

АНАТОЛИЙ АГЕЕВ

БУТАФОРΙΑ

18+

РОМАН

Анатолий Агеев

Бутафория

<https://litres.ru/74658572>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь просыпались с чувством, что прожили чужую жизнь? Не видели сон, а именно прожили: с именем, домом, войной и любовью, которые утром оказались не вашими.

А если всё наоборот? Если это вы кому-то снится?

«Бутафория» — одиссея без Итаки. Это путь через жизни, которые выглядят настоящими ровно до тех пор, пока не постучишь по стене. Империи из картона. Любовь из папье-маше. Война, после которой просто разбирают декорации. И где-то среди этого реквизита спрятано единственное, что нельзя подделать.

Эта книга будет смешить вас там, где страшно, и пугать там, где смешно. Она не даст ответа на вопрос «кто я?», зато отнимет уверенность, что вы его знали.

А потом вы закроете её, выйдете на улицу и впервые внимательно посмотрите на человека, который каждый вечер сидит на одной и той же скамье.

Не подходите. Вдруг он рассказывает о вас.

Анатолий Агеев

Бутафория

Анатолий Агеев

Бутафория

Роман

Глава I

Дневник

Часть I

Человек на скамье

18 мая 2026 года

Я тот человек, который на сто процентов готов на спонтанные приключения, а ещё на сто процентов готов лежать в кровати весь день. Я на обеих сторонах.

Купил тетрадь. До этого десять лет писал в телефон, на оборотах чеков, в постах, которые потом удалял. Некоторые мысли знаю наизусть и уже не помню, когда они со мной случились. Буду переносить их сюда, если понадобится. Даты поставлю сегодняшние: хотя бы буду знать, когда вернулся. Лампочку тоже купил. Положил на стол. Вкручу завтра.

Весна в этом году ведёт себя как человек, который уже попрощался, надел куртку, дошёл до двери, а потом ещё сорок минут стоит в прихожей и рассказывает что-то очень важное.

То солнце, то дождь, то опять солнце. Я каждый день выхожу из дома неправильно одетым и начинаю подозревать, что погода делает это специально.

Вечером снова сидел в сквере. Я туда хожу не ради природы. Природа в городе — это несколько деревьев, которым каким-то чудом удалось пережить людей. Там просто удобно: по дороге домой, кофе рядом, а главное — никто не требует от тебя немедленно стать лучше.

На скамье напротив уже третий или четвёртый раз видел одного и того же мужика. Возраст определить трудно: бывают люди, которым одновременно тридцать и вечность. Сидит, что-то пишет в маленький блокнот и иногда тихо говорит сам с собой.

В принципе, достойное занятие. Я тоже разговариваю сам с собой. Просто делаю это мысленно, потому что берегу репутацию.

20 мая 2026 года

Говорят, в холод надо пить чай. Ерунда. В холод надо пить кофе. Кофе, впрочем, надо пить всегда и везде, при всяком удобном случае, он превращает существование в жизнь. Костя утверждает, что я пью кофе ради возможности заявлять, что меня все достали. Будто бы без кофе такой возможности нет. Мы с ним знакомы достаточно давно, чтобы не выяснять, кто прав. Он приносит хлеб, я ставлю две кружки. Потом он ест мой сыр. Так выглядит дружба после тридцати: вы ещё не родственники, но продукты уже общие.

23 мая 2026 года

Человек с блокнотом приходит почти каждый вечер. Есть люди, которые привязываются к одному кафе, одному маршруту, одному столику. Я привязываюсь к людям, с которыми не разговариваю. Это идеальная форма отношений: никто никого не разочаровывает. Он выглядит так, будто давно не высипался. Я понимаю и уважаю. У нас со сном тоже отношения сложные: ночью я не хочу спать, утром не хочу вставать, днём хочу спать, вечером почему-то снова полон планов. Иногда до меня долетают отдельные слова. Ничего связного. Он что-то вспоминает, останавливается, пишет, зачёркивает, снова пишет. Я подумал: может, писатель. Потом подумал: не дай бог.

25 мая 2026 года

Костя смеётся раньше, чем я заканчиваю. Это, конечно, оскорбляет мою драматургию, но экономит время. Сегодня полчаса спорили, можно ли считать доставку еды встречей с внешним миром. Решили, что можно, если посмотреть курьеру в глаза.

Шутки шутками, а я узнаю человека по тому, над чем он смеётся. У кого-то остроумие — барабан, у кого-то — рафинированная арфа, у кого-то — неунывающий сакс. Одни исполнители приятнее других, но если человек дудит в одну дуду с одинаковым диапазоном, это скучно. Интересно, когда крыша летает и в самый низ, и в самые верха, и аэродинамика у неё что надо. Когда чувство юмора — целый оркестр,

виртуозно управляемый. Невзрачный очкарик шутканёт, и ты думаешь: ахах, а прикольный чудик. Он даст сто очков вперёд лощёному хмырю. Или занятный персонаж хорошо говорит, читал, видел, знает, но вот он рассказал анекдот или засмеялся над чем-то — и у тебя ком в горле, ты напиваешься в стельку в ближайшем баре и всю ночь лежишь без сна в ванне с хлоркой. Словом, тема обширная и серьёзная, нет у меня на это времени, мне надо шутки шутить.

27 мая 2026 года

Взрослая жизнь оказалась совсем не тем, что обещала реклама.

В детстве почему-то кажется, что взрослые постоянно занимаются чем-то важным: принимают решения, куда-то едут, знают, что делать с деньгами, людьми и собственной жизнью. Потом вырастаешь и обнаруживаешь пакет с пакетами, просроченный йогурт, три непрочитанных письма с пометкой «срочно» и человека в зеркале, который уже минут пять решает, достаточно ли чистая эта рубашка, чтобы считаться чистой.

На работе сегодня обсуждали мотивацию сотрудников. Меня особенно мотивировало то, что совещание закончилось. После работы зашёл в сквер. Мужик с блокнотом был на месте. Я ещё не знаю его, но почему-то уже воспринимаю как часть пейзажа. Фонарь, урна, дерево, странный человек, разговаривающий сам с собой. Наверное, и я для кого-нибудь часть пейзажа. Это неприятная мысль. Я привык счи-

тать себя главным героем хотя бы собственной жизни.

29 мая 2026 года

Обычно татуировки на теле связаны с каким-то особенным, значимым событием для человека. Поэтому у меня их нет. А вообще, я ещё в юности хотел себе набить что-нибудь крутое и броское, но родители запретили, мотивируя это тем, что это останется у меня на всю жизнь. Ну да. Возможно. Но почему они сами не руководствовались этой позицией на выборах президента двухтысячного года?

На правой руке у меня есть маленький шрам. О консервную банку. Событие было настолько значимым, что я даже не помню, что в ней было. Возможно, это и есть моя единственная честная татуировка.

1 июня 2026 года

В сквере опять сидел тот мужик. Теперь я узнал его по тому, как он держит плечи: будто пальто мокрое, хотя дождя нет. Перед ним лежало два блокнота. Маленький, карманный, и большой, с тёмно-зелёной обложкой. Он смотрел в маленький и писал в большом. Иногда закрывал глаза. По всем признакам человек занят тем же, чем и я на работе: переносит содержимое одной ёмкости в другую и надеется, что за это существует какая-нибудь награда. Проходя мимо, услышал: «Он опять пропустил свой этаж». Понимаю. Я иногда доезжаю до работы и тоже думаю, что надо было выйти где-нибудь раньше.

3 июня 2026 года

Я не знаю, что я буду делать завтра, но уверен, что буду делать в 65 лет.

Продам квартиру и куплю дом в двадцати–тридцати километрах от города, поближе к Волге. Заведу котов. Буду гулять на велике, зимой на лыжах, играть в онлайн-игры. По выходным будут приезжать дети — если захотят. Подработаю сторожем и раз в год на эти деньги поеду за границу. Я точно не буду стоять в очередях ради картошки на пять рублей дешевле и смотреть сериалы по «России». Буду из тех дедушек, к которым едут с радостью. Мы не станем говорить молодёжи: что вы вытворяете! Мы покажем, как вытворяли сами.

Вот написал про детей, а у меня даже кактус живёт с видом обманутого вкладчика. Ничего. До шестидесяти пяти ещё есть время научиться поливать тех, за кого взял ответственность.

5 июня 2026 года

Вчера не пошёл через сквер. Сегодня тоже собирался не идти, но пошёл. Хорошо, когда у любопытства есть уважительная причина. Он сидел на прежнем месте. Было тепло. Рядом на скамье лежал пакет с хлебом, торчал зелёный лук. Почему-то я ожидал увидеть у него что-нибудь другое. Не знаю что. Измученные люди, оказывается, тоже покупают зелёный лук. Очень усложняет их символическое значение. Он говорил о лестнице. Человек поднялся, потом спустился и почему-то оказался выше, чем был. Неплохая карьерная

стратегия. Моя пока работает только в обратную сторону.

7 июня 2026 года

Я считаю, в начале лета каждый порядочный человек должен от трёх до десяти дней проваляться в депрессии. Если вы не валяетесь, как смятая пивная банка, хотя бы не признавайтесь: это говорит о недостаточно тонкой душевной организации. Депрессия начала лета обязательна для всякого интеллигентного человека, как рождественский пост для христианина.

Ну и так звёзды встали, что впереди ещё целое лето. Поэтому с нетерпением жду ваших музыкальных изысков в комментариях. Комментарии у меня давно выключены. Музыку можно прислать лично. Публичное веселье закончилось, а привычка приглашать на него людей осталась. Сегодня не пошёл в сквер. Слушал музыку дома, ел черешню и выплёвывал косточки в блюдце. Было приятно, и ни перед кем не пришлось подтверждать тонкость своей душевной организации.

11 июня 2026 года

Сегодня на кассе попросили паспорт. Правильно. Каждый день грустные небритые школьники покупают дешёвое пиво по акции, макароны, кофе и упаковку туалетной бумаги. Вообще старение устроено подло. Сначала тебя раздражает, что к тебе относятся как к ребёнку. Потом однажды кассирша не спрашивает паспорт — и ты внезапно готов потребовать книгу жалоб. В сквере незнакомец снова что-то записы-

вал. Несколько раз ловил себя на том, что пытаюсь угадать содержание по лицу. На работе по моему лицу тоже можно решить, что я внимательно слушаю. Он, кстати, почти не меняется в лице. Может, поэтому и интересно.

На антресоли нашёл старую тетрадь. В ней рисунки, список песен, какие-то планы, от которых взрослому мне стало неловко. Когда-то я всерьёз собирался играть музыку, много путешествовать и, кажется, стать человеком, которому не нужен будильник. Тетрадь не выбросил. Пусть хотя бы один свидетель подтвердит, что планы были.

Всё было бы по-другому, если бы на уроках музыки учили музыке, на рисовании — рисовать, на английском — разговаривать. А то выходишь из школы, куда годами ходил стиснув зубы, и больше всего радуешься, что учиться наконец не надо.

Школьник у перехода спросил, как попасть к библиотеке. Пока объяснял, чуть не выдал ему собственную. Вот ведь чудеса: книги кому-то ещё нужны без ссылки, регистрации и обещания стать успешнее за восемь дней.

13 июня 2026 года

Думаю о людях изначально только хорошо. Например, встретив на улице машину, в которой играет шансон, я верю в то, что у водителя сломалось радио. Умение предполагать лучшее развито во мне до абсурда.

15 июня 2026 года

Сегодня всё-таки познакомились. Я сел рядом и спросил,

что он пишет. Он посмотрел на меня так, будто вопрос был одновременно очень простой и совершенно неправильный.

— Я вижу сны, — сказал он.

Утром, сразу после пробуждения, он записывает в маленький блокнот несколько слов — места, лица, фразы, ощущения. Вечером восстанавливает всё по этим отметкам и переносит в другой, Большой блокнот. Я спросил, помогает ли.

— Пока да.

«Пока» мне не понравилось, но я не стал уточнять. Мы знакомы семь минут. Рано лезть человеку в душу. Сначала обычно выясняют, пьёт ли он кофе и насколько терпимо относится к идиотам.

Маленький блокнот коричневый. Большой — тёмно-зелёный, на обложке срезан угол, между страницами чёрная ленточка. Я успел запомнить такую ерунду, а имя не спросил.

18 июня 2026 года

Сегодня Рассказчик опоздал. Не мистически. На автобус. Пришёл злой, мокрый и с пакетом из аптеки.

— Ты болееешь?

— Нет. Мать.

Сказал так, будто это диагноз. Потом минут пять ругался на приложение, которое показывает автобус там, где автобуса нет. Я слушал и почему-то радовался. До сих пор он существовал у меня в двух состояниях: сидит на скамье и рассказывает сны; не сидит на скамье и, видимо, где-то готовится рассказывать сны. Оказалось, между этим у него есть мать,

аптека, автобус и способность ругаться на городской транспорт. Очень успокаивает.

19 июня 2026 года

Сегодня он сидел без блокнота. Оказалось, забыл дома. Я почему-то спросил:

— И что теперь?

— Ничего.

Посидели минут десять молча. Очень полезный опыт. Обычно люди считают, что тишину надо срочно чинить.

21 июня 2026 года

Удивительная вещь: стоит человеку рассказать о своей странности спокойным голосом, и она сразу начинает казаться почти нормальной. Он сказал, что иногда просыпается с воспоминанием о нескольких годах, которых не было. Иногда знает людей, которых никогда не встречал. Иногда скучает по местам, где не бывал. Я пошутил, что у меня примерно так же после отпуска, только я ещё и денег лишаюсь. Он улыбнулся. Первый раз видел, как он улыбается.

23 июня 2026 года

На случай, если вы не знаете, что погуглить в интернете:

— Как доказать маме, что ты не алкаш, а художник

— Как сфоткаться в огороде, чтобы подумали, что я на море

— Поможет ли подорожник, если сломана жизнь

— Песня линкин парк, где сначала спокойно, а потом как заорёт

- Как кидать пельмени в кипяток, чтобы не умереть
- Почему любовь называется любовью, а не дмитрий
- Владимир скицентрал кто это
- Как выжить в перестрелке с маслом на сковороде
- Нервная система как переустановить
- Сколько калорий я сжигаю, убегая от своих проблем
- Могу ли я констатировать факты, если не константин

Последний запрос добавил Костя. Ужасно, когда твой интеллектуальный труд улучшают люди, которых ты не просил. Потом мы играли в шахматы. Он проиграл, я дважды пролил вино, так что победа получилась коллективная. В дневник положил бумажную салфетку с записью партии. На ней есть ход, который никто из нас не смог объяснить. Решили оставить для потомков.

26 июня 2026 года

Встретился с друзьями. Отпуска, рестораны, дети, ипотека, кто где был и кто куда собирается. Раньше такие разговоры казались мне репетицией смерти. Сегодня смотрел на них и почему-то было хорошо. Люди сидели, ели крылья, жаловались на цены и были живы. Иногда этого достаточно.

27 июня 2026 года

Костя написал: «Надо бы встретиться». Мы пишем друг другу это примерно раз в месяц. Суть дружбы двух взрослых людей, кажется, в том, чтобы годами согласовывать встречу, которая в итоге случится случайно. Предложил пятницу. Он не может. Он предложил воскресенье. Я не могу. Оба поста-

вили смеющиеся рожи, будто именно этого и хотели. С человеком со скамьи проще. Он просто приходит на скамью.

29 июня 2026 года

Рассказчик — я пока называю его так про себя, потому что имени не спросил, а теперь уже неловко — сегодня рассказывал сон. Сначала решил, что содержание записывать не буду. Это его. Пересказ сна обычно вещь неблагодарная. Но у него почему-то иначе. Он рассказывает так, будто вспоминает. Не украшает, не старается сделать интереснее. Иногда останавливается и долго ищет точное слово. Иногда возвращается назад и исправляет себя. Пришёл домой. Попробую записать хотя бы начало.

В подъезде было жарко. Кто-то покрасил перила, окна не открывались. Он поднимался домой и каждый раз замечал, что прошёл нужную площадку. Никаких чудовищ. Человек не может попасть в квартиру, потому что уже миновал её, хотя секунду назад ещё не дошёл.

Я спросил, почему нельзя просто остановиться. Он сказал, что во сне это не приходило в голову. Так спокойно сказал, что я засмеялся. Он тоже улыбнулся. Долго сидели. Со всем рядом двое обсуждали ремонт, хлопали двери машин, кто-то звал ребёнка. Его лестница никуда не исчезала от этих звуков. Я уже почти чувствовал под ладонью липкую краску, хотя перила он описал всего один раз. Когда встал, понял, что замёрз. В подъезде было жарко, а я сидел в тонкой рубашке.

2 июля 2026 года

Он не запоминает лица так, как я ожидал. Говорит: «Я знал, что это отец». А потом может минут десять вспоминать, как на стуле возле этого отца лежала рубашка. В детстве я узнавал мать по шагам в коридоре. Не видел её, но знал. В этом не было ни малейшего волшебства. Даже раздражало: узнавал и понимал, что сейчас заставят спать. Наверное, я слишком буквально представлял себе сон. Как кино, которое кто-то включил под закрытыми веками. А там можно знать человека, ни разу не увидев его лица. Можно знать целую жизнь до того, как она началась.

3 июля 2026 года

Я слишком долго считал цинизм признаком ума. Очень удобно: первым назвать чувство химией, посмеяться над надеждой — и ты уже почти не тот идиот, которому больно. Особенно если все засмеялись вместе с тобой. Сегодня Рассказчик начал что-то говорить о матери, а я заранее приготовил ответ. Не произнёс. Он договорил, и мой ответ оказался совершенно ни к чему.

Зашёл к родителям. Мать выдала контейнер еды, отец спросил про работу. Я ответил «нормально» два раза. Удивительно эффективный семейный протокол. Перед уходом мать спросила:

— Ты вообще счастлив?

Вот тут протокол дал сбой. Сказал, что такси уже приехало. Такси ещё не приехало. Пока ждал машину, вспомнил

дневной разговор с Рассказчиком. Я спросил, кем он хотел стать. Он удивился.

— Когда?

— Вообще.

— Нормальным человеком.

— Профессия перспективная.

Засмеялся.

Потом сказал, что в двадцать лет был уверен: вот ещё немного — и он наконец научится жить правильно. Перестанет откладывать. Начнёт бегать. Будет звонить родителям не из чувства вины. Не станет повторять чужих ошибок. Будет читать книги до конца, отвечать на сообщения сразу, не тратить годы на людей, с которыми плохо, и не бояться тех, с которыми хорошо.

— Получилось?

— Конечно.

— Что именно?

— Постареть.

Мы сидели и смотрели, как какой-то мужчина безуспешно пытается запихнуть коробку в урну. Рассказчик сказал:

— Раньше я почему-то думал, что будущее — это я, только исправленный.

— А сейчас?

— Сейчас думаю, что это просто я. Только позже.

Мне понравилось. Тогда ещё понравилось.

4 июля 2026 года

Сейчас мне сказали, что мне надо повзрослеть. Я ничего не ответил. Знаете, это весьма сложно — отвечать, когда у тебя целый пакетик мармеладных змеек во рту. А так, в данной ситуации стоит отвечать: «Таков мой замысел». И если ситуация не меняется — надо симулировать припадок. А если и это не помогает — изображать лося. Кстати, последнего очень многим и изображать не приходится, талант от природы, так сказать.

В общем, кто не рискует, тот вузы оканчивает с красным дипломом, свадьбы играет, на хорошие должности устраивается, стаж получает, а ты — творческая личность, бухаешь целыми днями и для себя живёшь. Нет, ну если серьёзно, то надо работать, заводить отношения, планировать отпуск, искать полезные знакомства. Но никогда не забывать: в любой день по небу может пронестись Звезда Судьбы и начнётся Великий Турнир за титул Короля Шаманов.

Пока жду, надо оплатить интернет.

6 июля 2026 года

Сегодня во сне он дошёл до квартиры. Дверь открыта, а войти не может: ждёт, пока позовут. Знает, что живёт здесь. Ключ у него в кармане. Всё равно стоит. Я сказал, что сам иногда так жду в гостях. Даже когда уже сказали: проходи, чего ты. Вдруг это из вежливости. Вдруг я сейчас пройду, а человек всю жизнь будет вспоминать, как однажды пустил меня в свою прихожую. Он спросил, почему я решил, что во сне был в гостях. Не решил. Просто открытая дверь оказа-

лась недостаточным доказательством, что тебя ждут. Домой пришёл, постоял на коврике. Искал ключи, разумеется. Никакой символики. Ключи всегда на дне.

8 июля 2026 года

Сегодня спросил Рассказчика, уверен ли он, что вечером не дописывает сны. Он сказал:

— Нет.

Мне понравился ответ. Большинство людей начали бы защищать собственную память и исключительность. А он просто не уверен. Маленький блокнот — единственное доказательство, что утром ему действительно что-то помнилось.

— А если вечером ты заполняешь промежутки?

— Наверное.

— Тогда где заканчивается сон?

Он посмотрел на блокнот.

— Не знаю.

Почему-то после этого разговор перестал быть смешным.

10 июля 2026 года

Он рассказывал о комнате, в которую наконец вошёл. Свет включён, окно заклеено бумажными полосками, хотя лето. Пахнет нагретой пылью, кислой вишней из открытой банки и лаком от старого паркета. У меня от этого запаха заболели зубы — бывает такое воспоминание, которое чувствуешь раньше, чем успеваешь понять, что именно вспомнил.

Кто-то спросил из соседней комнаты: «Ты зачем при-

шёл?» И он начал объяснять. Долго, нелепо, с самого утра: где был, что делал. Не мог сказать, что вернулся домой. Ему казалось, что для этого надо сначала договорить всё остальное. Я слушал и раздражался: ну скажи же, что устал, что хочешь есть, что вообще-то это твой дом. Потом подумал, сколько раз сам объяснял самые простые вещи так, словно просил разрешения на них. Кто спрашивал, он не помнил. Голос не был злым. Это почему-то хуже всего: даже пожаловаться не на кого.

12 июля 2026 года

После рассказа о возвращении домой всё думаю, сколько сил уходит на объяснения. Я дома тоже умею произнести «вы не так поняли» таким голосом, будто уже виноват. Хотя меня никто не спрашивал. Мы не обязаны давать никому отчёта, если наши действия им не вредят. Написал и задумался над этим «если». Очень удобное слово, под него всё можно подогнать. Я никого не трогаю — значит, никому ничего не должен. А то, что не ответил, не приехал, не услышал, — это ведь не действие. Так, отсутствие. Мне нравится считать себя свободным человеком. Особенно когда не хочется брать трубку.

16 июля 2026 года

Нашёл в старых заметках свою инструкцию по независимости. Переношу: «Нет никаких „мы“ — лишь миллионы „я“. Любовь — обман, дружба — взаимное использование». Я ведь всерьёз собирался так жить.

Вот так я думал. Или хотел думать. В архиве этот текст выглядит очень убедительно, особенно с разбивкой на отдельные строки. Каждая стоит одна, как памятник собственной правоте. А сегодня я дважды перестраивал свой маршрут, чтобы попасть в сквер. Ничего от этого человека не получаю. Ни денег, ни знакомства с нужными людьми. Иногда он вообще молчит. Сiju рядом, ожидаю.

17 июля 2026 года

Сегодня не пришёл. Я просидел минут сорок. Потом ещё двадцать — исключительно потому, что кофе был большой. Потом пошёл домой и почему-то злился. Невероятно, как быстро человек способен встроить чужое присутствие в собственный распорядок. Сначала незнакомец на скамье. Потом знакомое лицо. Потом человек, которого ждёшь. А потом, видимо, ещё какое-нибудь осложнение. С людьми всегда так.

Вечером встретился с Костей. Он опоздал на сорок минут. Я сказал, что уже собирался объявлять его в розыск. Он ответил:

— Ты сам вечно опаздываешь.

— Поэтому я знаю, насколько это опасно.

Пили пиво. Спорили о какой-то ерунде. Я почти не смотрел на скамью. Почти.

19 июля 2026 года

Пришёл. Я спросил, где был.

— Спал.

Я рассмеялся. Он нет.

20 июля 2026 года

Вчера он сказал «спал», а я рассмеялся. Человек ответил на вопрос. Я услышал шутку, потому что иначе пришлось бы спрашивать дальше.

Мнение должно меняться. Я когда-то написал об этом целый пост: вы получаете новую информацию, новый опыт, развиваетесь. Если мнение остаётся прежним — тупые вы, видимо. А дальше перечислил людей, от которых ничего хорошего ждать не стоит. Включая тех, кто вместо «спасибо» пишет «спс». Всё объяснил про человека по трём буквам.

Вчерашнее «спал» тоже короткое. До сих пор не знаю, что с ним делать.

22 июля 2026 года

Рассказчик сегодня был в хорошем настроении. Именно в хорошем. Не загадочном. Принёс два мороженных. Одно уже потекло.

— Почему два?

— Второе бесплатно.

— Ты купил мороженое из-за акции?

— Я взрослый человек. Я принимаю финансовые решения.

Сидели, ели. Он рассказал, что хочет когда-нибудь уехать к морю не в отпуск, а насовсем. Небольшой город. Чтобы зимой пусто. Чтобы работать чем-нибудь, что заканчивается вечером и не идёт домой вместе с тобой.

— Чем?

— Не знаю. Почту разносить.

— Очень амбициозно.

— Я устал от амбиций.

Потом долго спорили, можно ли считать почтальона человеком, который профессионально приносит плохие новости. Никаких снов. Хороший вечер.

23 июля 2026 года

Жара сделала город честнее. Все перестали притворяться, что хорошо выглядят. Я тоже. Вечером сидели с Рассказчиком. Он рассказывал, я слушал. Целиком сны не записываю. Только то, что не оставляет меня после разговора. Чужая история, пересказанная второй раз, становится немного твоей. Ты выбираешь, что оставить, что отбросить, где сделать паузу, какое слово поставить. Даже если стараешься быть точным, всё равно оставляешь отпечатки пальцев. А мне пока хочется хотя бы здесь не трогать.

Потом зашёл в бар. Познакомился с девушкой. Через двадцать минут мы уже знали, где друг друга бесим. Очень перспективное начало. Она спросила, почему я всё время шучу.

В последнее время этот вопрос задают слишком часто. Наверное, надо придумать смешной ответ.

24 июля 2026 года

Вчерашняя девушка написала.

«Ты всегда такой неприятный или вчера старался?»

Ответил:

«Вчера старался».

Она поставила смеющийся смайлик. Очень унижительно, когда твой тщательно выращенный характер принимают за флирт.

25 июля 2026 года

У меня дурацкая память. Я помню преимущественно ночи. Дни, свет — это быстро забывается. Поэтому жизнь кажется мне полной огней. Ночью люди говорят то, что никогда не скажут днём, а утром стыдятся смотреть друг другу в глаза.

Но сегодня запомню день. Обедал у открытого окна, из двора пахло нагретым асфальтом, в тарелке плавала единственная веточка укропа. Было жарко, лениво, совершенно бессмысленно. Мне понравилось.

27 июля 2026 года

Попросил показать Большой блокнот. Не дал. Правильно сделал. Личные записи — почти единственная территория, где человек ещё может не объяснять себя окружающим. Мы почему-то считаем, что близость даёт право на доступ: к переписке, мыслям, прошлому, телефону, страхам. Будто любовь и дружба — форма таможенного контроля. Но вечером он сам начал рассказывать. Я слушал часа два и в какой-то момент понял, что давно стемнело. Обычно чужие сны невыносимы уже на третьей минуте. Здесь я забываю посмотреть на телефон.

С Олей, той девушкой из бара, встретились второй раз. На этот раз я пришёл раньше. Не из романтики. Просто пе-

репутал время.

Она появилась с фотоаппаратом. Не телефоном — старой чёрной штукой с потёртым ремнём, которая выглядела так, будто ей можно либо снимать людей, либо отбиваться от них.

— Ты фотограф?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Затем же, зачем ты записываешь.

Я ещё не успел рассказать ей, что записываю. Оказалось, в прошлый раз я дважды доставал телефон и что-то туда печатал, а потом один раз сказал: «Подожди, я запишу, пока не забыл».

— И что ты фотографируешь?

— Балконы.

Я посмотрел вверх. Над кафе висели кондиционеры, бельё и один очень мёртвый фикус.

— Почему балконы?

— Потому что люди думают, что балкон — это снаружи квартиры. А на самом деле это самое честное место в доме. Всё, что жалко выбросить, но невозможно любить, в конце концов оказывается там.

— Ты сейчас описала половину моих знакомых.

Она засмеялась.

Потом минут десять объясняла, что собирает балконы уже несколько лет. Не красивые. Наоборот. Пластиковый таз на двадцатом этаже. Велосипед без переднего колеса. Дед

в майке. Новогодняя гирлянда в июле. Четыре одинаковых банки с неизвестным содержимым. Иногда она специально выходит на остановку раньше, если видит хороший.

У неё есть папка. Называется «Чужое снаружи». Название мне понравилось. Она показала несколько фотографий. На одной женщина поливала цветы. На другой на балконе стоял мужчина и курил, а за стеклом комнаты кто-то смотрел телевизор. На третьей ничего не происходило: пустой стул, мокрое полотенце и голубь.

— Вот эта лучшая, — сказал я.

— Почему?

— Ничего не происходит.

— Поэтому.

Впервые за долгое время я разговаривал с человеком, которому не требовалось, чтобы происходило что-нибудь интересное.

30 июля 2026 года

Сегодня он рассказал, что во сне слышал мать. Она звала есть из соседней комнаты. Он ответил: сейчас. Потом ещё раз. Когда наконец встал, за стеной оказалось пусто. Даже комнаты не было, только узкое пространство между обоями и бетоном. А голос шёл оттуда.

Я несколько раз отвлекался: кто-то ругался у дороги, в листве шуршал пакет. Хотел спросить, та ли это квартира, но он уже замолчал. Не записываю весь сон. Пока запоминаю только то, что задело меня, и получится чужая ночь, ста-

рательно приспособленная к моей чувствительности. В его маленьком блокноте было записано «сейчас». Я видел. Всё остальное он вспоминал при мне.

Дома позвонил матери. Она была в магазине, выбирала крупу и плохо слышала. Я попросил перезвонить, а потом сам набрал через пять минут.

— Что случилось?

— Ничего.

И это была правда. У нас ничего не случилось.

31 июля 2026 года

После вчерашнего сна открыл старую записку. Там я спрашиваю, как мы умудряемся заполнить жизнь хламом, сомнениями, прошлым, которого уже нет, и будущим, которое ещё не случилось, если смерть так близка и всё настолько очевидно. Потом предлагаю наполнить каждый вдох Любовью, а выдох Благодарностью. С больших букв, разумеется. В конце у меня вся реальность — зеркальная комната, где я кривляюсь изо всех сил: сам себя пугаю, сам себя смешу, сам обнимаю.

Читаю и злюсь. Я ведь помню, что тогда чувствовал. Не врал. Просто когда записал, стало похоже на пожелание на открытке. Матери вчера сказал только «ну ладно, давай». Как обычно. А здесь мне на благодарность потребовалась целая комната зеркал.

2 августа 2026 года

Дождь. Спрятались с ним под козырьком у закрытого ки-

оска.

— Ты всегда всё записываешь? — спросил я.

— Нет.

— А что не записываешь?

Он посмотрел на дождь.

— То, что останется и без меня.

Хотел уточнить. Не стал. Через минуту он спросил, где здесь можно купить сигареты. Так лучше.

Рассказчик ушёл за сигаретами. Я остался под козырьком и злился на дождь, на мокрый рукав, на то, что его ответ опять застрял у меня в голове. Вселенная жестока. Прежде я написал бы это без всякой иронии. Вселенная не выбирала меня как жертву и никогда не делала идиолом — она существовала до меня и будет существовать после. У неё нет «плохо» и «хорошо». А я всё равно стою и жду, что дождь закончится, потому что мне надо домой.

Судьбы нет. Есть то, что ты сделал, и то, чего никак не мог предусмотреть. Во всяком случае, так мне нравится думать. Когда случается хорошее, я быстро забываю вторую половину объяснения. Когда плохое — первую.

Пока держусь этого объяснения. Оно вполне вмещает человека, которому снится лестница, и другого человека, которому эта лестница оказалась интереснее собственной работы.

3 августа 2026 года

Спросил, можно ли ему присниться что-нибудь по соб-

ственному желанию. Он сказал, что пробовал, но обычно утром обнаруживал не то, чего ждал.

— А ты зачем спрашиваешь?

Мне захотелось узнать, сможет ли он в следующий раз войти в ту комнату, из которой его звали. Не искать голос в стене, а застать человека за самым обыкновенным делом. Сесть рядом. Ответить вовремя. Спросил и сразу почувствовал себя идиотом: заказываю чужому сну благополучный исход, как будто он обязан обслужить мои переживания.

Он сказал, что не знает. Это очень неприятный ответ, когда уже успел привязаться.

5 августа 2026 года

Август — это ещё лето, которое уже знает, чем всё закончится. Рассказчик сказал, что иногда боится засыпать.

— Почему?

— Иногда там дольше, чем здесь.

Промолчал. Он продолжал смотреть перед собой.

6 августа 2026 года

Оля спросила, почему у меня дома нет нормального кофе.

— Есть.

— Это не кофе.

Сегодня на кухне появилась пачка с надписью, которую я не умею правильно произносить. Стоит рядом с моим. Колонизация началась.

7 августа 2026 года

На работе полдня не отправлял письмо: всё казалось, что

надо ещё раз проверить. Ничего сложного в нём не было. Просто пока оно лежит в черновиках, можно передумать. Отправишь — придётся жить с отправленным. Если смешать апероль и просекко, разделить их уже нельзя. Дым выходит из трубки, но не заходит обратно. Вот почему выбирать так трудно. Пока выбор не сделан — всё на свете возможно. Поэтому многие из нас стоят на правильном пути. Стоят.

Рассказал ему про выбор. Он долго думал, потом спросил, мог ли я сегодня не прийти в сквер. Конечно, мог. А почему пришёл? По дороге. Он кивнул, и мне стало неприятно: я ведь сделал крюк. Я на работе тоже часто не выбираю. Только последствия у меня обычно приходят на почту и требуют приложить уточнённую спецификацию.

10 августа 2026 года

Август почти на полпути к осени. Когда-то в это время мы с друзьями уезжали за город дышать свежим коньяком, жарить коньяк, загорать на коньяке и ловить в речке немного коньяка. Сейчас половина друзей обзавелась детьми, ипотекой и способностью произносить слова «хороший ортопед» без иронии. Вторая половина просто устала. Я тоже устал, но пока делаю вид, что это мировоззрение. Вечером Рассказчик говорил долго. После некоторых его рассказов мне хочется немедленно позвонить знакомым и убедиться, что они существуют. Не звоню. Интроверта на пути к спасению человечества всегда подстерегает сверхсложная подзадача: «позвонить по телефону и выяснить».

В ванной живёт паук. Назвал Фёдором. Это важная стадия одиночества: сначала разговариваешь сам с собой, потом с техникой, потом даёшь имя пауку. Фёдор, кстати, слушает лучше большинства. Главное — не знакомить его с Рассказчиком. Ещё начнут обсуждать меня.

12 августа 2026 года

Ночевала у меня. Утром долго искала второй носок. Я героически не стал рассказывать про собственную сложную историю отношений с носками.

13 августа 2026 года

Достал из ящика все свои старые записи. Есть посты, которые я помню почти наизусть, а есть такие, что хоть подпись сверяй. Десять лет спорил с человечеством. Человечество, судя по всему, не в курсе. Среди заметок нашёл: «Дома — это когда можно не вспоминать, зачем пришёл». Не помню, когда написал. Наверное, вернулся пьяный и не нашёл в холодильнике ничего, кроме света. Теперь читаю и вижу ту комнату. Вот тебе и собственная мысль: лежала десять лет, а понадобился незнакомый человек, чтобы я её заметил.

Надо когда-нибудь разобрать этот склад. Не сейчас, конечно. Сейчас у меня ответственное дело: гулять кругами, чтобы случайно пройти через определённую точку.

14 августа 2026 года

Мы всю жизнь пытаемся удержать то, что исчезает. Фотографии, переписки, билеты, старые вещи, чужие номера телефонов. Память — чудовищно ненадёжный архивариус.

Она выбрасывает нужное, оставляет случайное и ещё имеет наглость редактировать документы без согласования.

Я спросил, зачем он продолжает записывать, если ему тяжело.

— Потому что утром всё исчезает.

— Ну и пусть.

— Жалко.

Может, он пишет не чтобы понять сны. Чтобы они не умерли утром.

Дома ответил на звонок матери. Она снова спросила:

— Ты ел?

Сказал, что да. На этот раз не соврал. Не знаю, почему это показалось маленькой победой.

15 августа 2026 года

Спросил, зачем он продолжает подниматься по лестнице, если знает, что там опять будет то же самое.

— Во сне не знаю.

— Но ты же дома.

Он посмотрел на меня.

— Я этого не говорил.

Начали вспоминать. Он говорил «квартира», «ключ», «вернулся». Кажется, «моя» тоже говорил. А может, это уже я, когда спрашивал, почему нельзя остановиться. Он достал маленький блокнот. На той странице — несколько слов, время пробуждения. Никакого дома. В большом дом был. Я рассказал про старую заметку. Он попросил повторить. Записал

на полях. Так моя фраза оказалась у него. При мне, вполне законно. Ничего сверхъестественного. И всё-таки, когда он закрыл блокнот, захотелось попросить её обратно.

16 августа 2026 года

Сегодня был её день, а я в нём почти не участвовал. У неё открылась маленькая выставка в кофейне. Двадцать фотографий балконов. Хозяин дал одну стену возле туалета и сказал, что это «арт-пространство». В искусстве, как и в недвижимости, всё решает правильное название. Я пришёл раньше. Она бегала с уровнем, ругалась с рамками, спорила с баристой из-за скотча и вообще выглядела человеком, который совершенно способен существовать без моего присутствия. Это почему-то понравилось. Пришли её друзья. Много. Я не знал почти никого. Она с ними была другой.

Не загадочной женщиной, которая пьёт со мной вино и смеётся над моими идиотскими формулировками. Громкой. Быстрой. Командной. Она перебивала, кому-то поправляла воротник, у кого-то отбирала сигарету, одного человека называла только по фамилии. С какой-то девушкой минут десять обсуждала объектив, и я не понял ни одного слова.

Потом подошёл мужчина лет пятидесяти. Она обняла его и сказала:

— Пап, ты всё-таки пришёл.

Вот это «всё-таки» содержало отдельный роман, в котором меня не было вообще. Они отошли. Я видел, как она что-то ему объясняет, показывает фотографию. Он сначала

смотрел на стену, потом на неё. Кивнул. Сказал что-то короткое. Она отвернулась и очень быстро вытерла глаз. Я сделал вид, что не заметил. Через пять минут она уже спорила с кем-то, можно ли считать сушилку с носками композицией. Когда всё закончилось, мы сидели на ступеньках возле кофейни. Она сняла туфли.

— Ну?

— Что?

— Скажи гадость.

— Зачем?

— Ты всегда говоришь гадость, когда тебе нравится.

Подумал.

— У тебя горизонт завален на семи фотографиях.

Она толкнула меня плечом.

— Придурок.

— Очень хорошая выставка.

Она замолчала. Потом положила голову мне на плечо. И вот здесь я, кажется, впервые понял неприятную вещь. Она мне не просто нравится. До этого всё ещё можно было списать на секс, любопытство, лето, алкоголь, удачное совпадение графиков и хроническую неспособность человека спокойно жить, когда ему внезапно хорошо. Теперь нельзя. Очень некстати.

17 августа 2026 года

Зашёл домой. Стоял посреди кухни и не мог вспомнить, зачем пришёл. Не домой — на кухню. Хотел взять что-то,

пока снимал ботинки. Вспомнил через минуту: телефон заряжался возле чайника. В нём куча сообщений, ни на одно не хотелось отвечать. Начал писать, что интернет и телефон никого не сближают, что это скопление одиночества. Написал три предложения. На четвёртом пришло ещё одно сообщение. Оле всё-таки ответил. Она прислала фотографию: пакет порвался прямо возле её подъезда, помидоры выкатились на ступеньки. Спросила, заслуживает ли это серии. Сказал, что минимум ретроспективы.

18 августа 2026 года

Купила чашку. Не мне. Себе. Поставила справа от раковины. Сказал, что у нас вообще-то есть чашки.

— Теперь есть моя.

20 августа 2026 года

Ходишь, улыбаешься, шутишь, рассказываешь какие-то идиотские истории. А вечером ложишься и вдруг понимаешь, что внутри есть место, куда весь этот шум не доходит. Раньше я называл это одиночеством. Теперь не уверен. Одиночество — слишком социальное слово. Оно как будто предполагает, что проблему можно решить добавлением человека. Но людей вокруг меня всегда было достаточно. Иногда нас вообще пятеро: я и четыре стены. Рассказчик сегодня спросил, почему я не записываю собственные мысли регулярно. Я сказал, что они того не стоят. Он ответил:

— Ты всё равно их носишь.

И опять ушёл домой, оставив мне чужую фразу, которую

теперь придётся несколько дней переваривать. Очень невежливо.

Фёдора больше нет. Уборка. Не буду делать из этого трагедию. Но странно: квартира осталась ровно той же, а одного знакомого существа в ней стало меньше. Вечером выпил за него. Очень надеюсь, что это дно антропоморфизма.

21 августа 2026 года

После людей у меня остаются три-четыре песни, чужое словечко, иногда чемодан. Одного человека давно нет, а его интонацией до сих пор отвечаю по телефону. Кто-то исчез — и ни слов про это, ни сожаления.

Имени Рассказчика я пока не знаю, а след уже есть. Удивительно легко чужой человек получает место среди тех, кто жил рядом годами. Даже не попросив.

23 августа 2026 года

Сходили к реке. Пахло мокрым железом, прелой травой и дымом с дальнего берега. Оля смеялась, потому что я пытался открыть бутылку с невозмутимым лицом, пока пробка унижала меня на глазах у прохожих. Дома обнаружил, что весь день ни разу не посмотрел рабочую почту. Вот это надо записать. А то потом начну утверждать, будто меня всегда всё раздражало, и сам себе поверю. Было хорошо. Смешно. Ветер запутался у неё в волосах, и мы никак не могли сделать приличную фотографию. Получилось шесть неприличных. Всё сохранил.

24 августа 2026 года

Встретились с друзьями. Один вернулся из отпуска. Другой собирается. Третий показал фотографии ребёнка. Я показал фотографию пива. Равновесие поколений восстановлено. Разговор почему-то всё время возвращался к тому, кто где был и куда хочет уехать. Когда-то я тоже очень хотел уехать из этого города. Теперь думаю: обязательно уеду. Но не сегодня. Завтра на работу.

25 августа 2026 года

Шли вечером пешком. Она взяла меня за руку. Без объявления, без обсуждения условий, без подписания акта приёма-передачи. Я минут пять думал, что делать со второй рукой. В итоге ничего. Хорошо.

26 августа 2026 года

Рассказчик сказал, что несколько ночей не видел той лестницы. Я обрадовался, словно у него прошёл кашель. Сегодня ему снился отец. Сидел рядом, примерял очки, жаловался, что дужка давит. Снял их, протянул — и на этом всё. Ничего не случилось. Рассказчик проснулся, не успев взять очки. Он долго тёр переносицу. Сказал, что вечером уже не помнит отцовского голоса, хотя утром помнил. Голос уходит первым, а очки остались. Записал про винтик, про царапину на стекле. Несколько раз пробовал записать, как отец произнёс «подержи». Выходило только слово.

Костя звонил. Потом перезвонил ему уже из дома. Пока он рассказывал, старался запомнить, как он дышит между фразами. Через минуту перестал понимать, о чём речь.

28 августа 2026 года

Последняя пятница августа. В баре открыли окна, и стало холодно. Все одновременно сделали вид, что ничего не заметили. Лето заканчивается примерно так же, как плохие отношения: сначала всем уже ясно, но никто не хочет первым надевать куртку.

29 августа 2026 года

Кажется, всё, чему мы научились, — это бросать. Работу, курить, слова на ветер, друг друга. К чёрту драмы и борьбу противоположностей. Дайте мне того, с кем можно набухаться и потрепаться. Пишу это и думаю: будущий я сейчас смотрит на меня сквозь воспоминания.

Будущий я, если действительно смотришь: запомни, что сегодня я сам пришёл. Меня никто не звал и ни на что не уговаривал.

31 августа 2026 года

Лето закончилось. Рассказчик дал мне Большой блокнот. Сам.

— Только верни завтра.

— Зачем?

— Ты всё равно хочешь прочитать.

Блокнот лежит сейчас на столе. Я его ещё не открыл. Почему-то страшно. Смешно. Человек спокойно пережил кредиты, отношения, ремонт и несколько корпоративов, а боится открыть тетрадь.

Часть II

Чужая память

1 сентября 2026 года

Прочитал. Не всё. Кроме лестницы и комнаты, о которых он рассказывал, там была целая жизнь человека по имени Бутафорий Идолович Ахинеев. Он ездил на остров к родителям, покупал старую машину, возил продукты. Я думал, сейчас закончится сон и начнётся следующий, но переворачивал страницу, а он всё ещё жил. Не стану переносить сюда всё прочитанное. Не хочу потерять за ним собственный день. Когда человек рассказывает сон вслух, между вами остаётся его голос. На бумаге голоса нет. Остаётся только происходящее. И почему-то без Рассказчика оно кажется ещё убедительнее. Вернул блокнот вечером. Он спросил:

— Ну?

Я сказал:

— Чёрт знает.

Кажется, это был самый точный литературный отзыв, который я когда-либо давал.

4 сентября 2026 года

Снова взял у него блокнот на вечер, читал, а потом минут двадцать смотрел в потолок. Нет, там нет никакой магии. Бумага, чернила, неровный почерк. Можно закрыть, убрать в ящик и пойти мыть посуду. Я так и сделал. И вот тут выяснилось, что посуда прекрасно моется руками человека, который в это время думает совсем о другом. Вообще удивитель-

но, сколько бытовых действий не требуют присутствия личности. Можно чистить зубы, ехать на работу, отвечать «доброе утро», покупать хлеб, кивать в нужных местах — и находиться неизвестно где. Возможно, половину жизни мы именно так и проживаем.

Если это правда, сон хотя бы честнее: там никто не обещает, что ты бодрствуешь. В метро женщина читала бумажную книгу и всё время возвращалась на страницу назад. Я сначала решил, что она невнимательная. Потом понял, что сам три остановки смотрю на неё вместо телефона. У каждого своя форма чтения. Купил виноград. Половину съел по дороге. Дома обнаружил, что выбирал его минут десять. Вот она, взрослая свобода: никто не запрещает потратить четверть часа на виноград и потом есть его над раковиной.

5 сентября 2026 года

Осень пока только репетирует. Утром прохладно, днём жарко, вечером уже хочется закрыть окно. Город не может решить, кто он сегодня. Понимаю. На работе спросили, почему я улыбаюсь. Сказал, что вспомнил смешное. На самом деле вспомнил одну фразу из блокнота. Это первый раз, когда чужая запись пришла в голову сама.

Вечером шли с Олей через сквер. Она заметила Рассказчика.

— Это он?

— Кто?

— Мужик, про которого ты иногда говоришь.

Оказывается, я иногда говорю. Сказал:

— Он.

Она посмотрела на него, потом на меня.

— Нормальный вроде.

— Именно это истораживает.

Засмеялась.

7 сентября 2026 года

Весь вечер писал ей. Сохраняю здесь, потому что иначе утром испугаюсь и удалю. Сегодня я сказал тебе, что родился не в том веке. Наверное, это не совсем то, что я имел в виду. Я опять сказал быстрее, чем успел подумать. Попробую теперь наоборот.

Современный мир избавляет человека от необходимости мыслить. Глаза заменяет воспитание: замечаем то, на что нас учили обращать внимание. Желания — рекламные ролики. Всё уже придумано, разложено по местам. Не думай, смотри и запоминай. О тебе позаботились. Право выбора, конечно, есть. Но пока выбираешь — время уходит.

И вот в мою тускнеющую жизнь входишь ты, Ольга Александровна. В обычной одежде, почти без косметики. Смотришь на закат над крышей магазина, а я смотрю, как ты смотришь, потому что сам давно перестал замечать, что там, над магазином. У тебя обо всём есть своё мнение. Иногда оно мешает моему, и тогда мне ещё интереснее. Я сейчас мог бы написать про океаны в твоих глазах, но ты спросишь, почему я несу эту чушь. Вот за это тоже.

Если мне понадобится доказательство, что мир не окончательно испортился, я, вероятно, начну рассказывать о тебе. Понимаю, какая это нагрузка на одного человека. Пока просто записываю, чтобы опять не отделаться шуткой.

И если все устроят «Пир во время чумы», объясняя, что ничего не поделаешь, время такое, я постою в стороне. Дождусь тебя. Когда они уйдут, разделим бутылку вина при уже оплывших свечах. Можно будет не спорить со всем человечеством хотя бы один вечер.

И за этим самым вином я скажу: «Спасибо тебе, Оль, за то, что когда-то подарила надежду и заразила меня жизнью». Отправил. Оля позвонила и спросила, можно ли ей быть обычной Олей, у которой сегодня болят ноги. Я замолчал. Она сказала, что ей понравилось письмо, только пусть я не жду, что она всё это сможет. Приехал к ней с едой. Про письмо больше не говорили.

9 сентября 2026 года

Осень наступила официально и немедленно начала вести себя как осень. Дождь, ветер, люди с лицами, будто погода задолжала им денег. Я продолжаю читать. Иногда Рассказчик рассказывает, а я потом читаю ту же запись. Между устной и письменной версиями есть разница. Не в событиях. В расстоянии. Когда он говорит, он ещё там. Когда пишет — уже здесь. Наверное.

В театральном буфете налили коньяк в пластиковый стакан. Вот за это я люблю культуру: она позволяет тебе бухать

и одновременно чувствовать, что ты духовно развиваешься. На спектакле думал не о спектакле. Раньше хотя бы совесть делала вид, что ей стыдно.

Читал про память и сны. Не хочу превращать эту тетрадь в склад выписанных умных слов, но одно мне понравилось. вспоминать — не обязательно доставать из головы нетронутую вещь. Можно всякий раз собирать её заново и не замечать собственных рук.

Мне этого достаточно как предположения. Сколько раз я рассказывал одну и ту же историю и постепенно начинал помнить свою последнюю удачную формулировку лучше самого события. У Рассказчика в маленьком блокноте три слова. В большом — несколько страниц. Между ними что-то происходит. Там работают память, воображение, усталость. Он сам не обещает, что знает пропорции. Попросил показать маленький. Там действительно не было книги. Были слова, стрелки, повторения. Одно слово обведено три раза. Он не смог его прочесть.

12 сентября 2026 года

Сегодня он отказался рассказывать. Я сначала решил, что не помнит.

— Помню.

— Тогда что?

— Не хочу.

И вот тут я почему-то обиделся. Совершенно нелепо. Будто мне не выдали оплаченный контент. Он заметил.

— Ты чего?

— Ничего.

— Врёшь.

— А ты теперь психолог?

— Нет. Просто у тебя лицо мерзкое.

Посидели молча. Через некоторое время он сказал:

— Там был человек, которого я знаю.

— В жизни?

— Да.

— И?

— И ничего. Поэтому не хочу.

Я не спросил кто. Минут через десять он сам начал рассказывать, как в детстве украл у двоюродного брата пластмассового солдатика, а потом несколько лет боялся признаться.

— До сих пор боишься?

— Он умер.

Вот и всё. Мы ещё минут двадцать обсуждали, почему в детстве чужая игрушка иногда кажется важнее уголовного кодекса. Про сон он так и не рассказал. Домой я шёл раздражённый. Только возле подъезда понял, что впервые он мне ничего не дал. И всё равно вечер был не пустой.

13 сентября 2026 года

С Рассказчиком сидели почти два часа. Сегодня впервые спорили.

— Если ты утром не помнишь половину, почему уверен,

что остальное помнишь правильно?

— Не уверен.

— Тогда зачем записывать?

— Чтобы ошибаться одинаково.

Он вдруг засмеялся. Громко, запрокинув голову. Я раньше не видел его таким.

15 сентября 2026 года

Вспомнил свои школьные тетради. Долго считал, что без той истории писал бы хуже. Удобно: хотя бы задним числом получить что-нибудь за то, чего уже не вернёшь.

Чтобы стать умным «не по годам», нужно лишиться своего детства. Ты не научишься говорить о любви раньше, чем обретёшь и потеряешь её. Я искал закономерность. Ту, которую предлагают близкие, когда утешают: «Любая потеря или трудность делает тебя сильнее, это опыт, который закаляет твой дух». И всё бы хорошо, ведь по собственному желанию или против него, мы всё время что-то теряем, а значит, становимся лучше, учимся. Но есть ли предел этому совершенству? Раз потери делают нас лучше, то, до тех пор, пока нам есть, что терять — мы небезупречны? Это объясняет, почему никто не видел идеальных людей, ведь чтобы такими стать, они должны были потерять всё, а значит, идеальный человек — мёртвый человек.

Слишком стройно получилось. Я знаю людей, которых беда сделала только несчастными. Никакого гениального вознаграждения. Мысль оставляю, но рядом запишу это. Мне не

хочется однажды сказать страдающему человеку, что из него выходит отличный материал.

17 сентября 2026 года

Пытался читать про квантовую механику. Очень быстро понял, что моя способность произносить слово «наблюдатель» сильно опережает способность понять, что именно наблюдают. Соблазн, конечно, колоссальный: объявить, что всё зависит от меня, и сослаться на физику. Но пока от меня зависит только, забрал ли я вещи из химчистки. Не забрал.

18 сентября 2026 года

Сегодня весь день думал о том, насколько человек принадлежит собственной памяти. Мы любим говорить: «Я — это мой опыт». Красиво. Тогда плохие новости: большая часть опыта забыта, часть переписана, часть никогда не была понята, а некоторые вещи мы помним только потому, что много раз рассказывали их одинаковыми словами. Если память меняется — кто именно остаётся собой? Вечером рассказал это Рассказчику.

— Поэтому я записываю.

Ненавижу людей, которые одной фразой портят тебе целый день размышлений.

20 сентября 2026 года

Она сегодня пришла злая. Не на меня. Это оказалось непривычно. На работе её фотографиями заинтересовался какой-то журнал. Не теми, что на выставке, а серией, которую она снимала прошлой зимой. Редактор попросил

прислать десять кадров, а потом написал, что «концепция интересная, но желательно добавить человеческого присутствия».

— Какого ещё человеческого присутствия? — сказала она, снимая куртку. — Там в каждой фотографии человек. Просто его нет в кадре. Там кружка на подоконнике. Там детские санки. Там мужские трусы на верёвке. Сколько ещё им нужно человека? Чтобы он стоял посередине и держал табличку «Я человек»?

Я сказал:

— Можно добавить стрелочку.

Она посмотрела.

— Вот поэтому я тебя люблю.

Сказала и пошла на кухню. Я остался в коридоре. Вот так. Никакой музыки. Никакого дождя. Никто не умер. Даже свет не мигнул. Человек снял куртку, сказал, что любит меня, и пошёл искать штопор. Я догнал её.

— Что ты сказала?

— Что в журнале идиоты.

— После.

Она замерла с ящиком столовых приборов в руке.

— А.

— «А»?

— Ну да.

— Это всё?

— А что надо?

— Не знаю. Я не готовился.

Она засмеялась.

— Я тебя люблю. Так лучше?

Почему-то стало страшно. Не в плохом смысле. Просто я всегда считал, что большие вещи должны как-то предупреждать о приближении. Сирена. Метеорологическая служба. Красная строка. А они, оказывается, происходят между курткой и штопором. Сказал:

— Я тебя тоже.

Она посмотрела внимательно.

— Ты сейчас это потому что надо?

— Нет.

— Хорошо.

— А если бы потому что надо?

— Тогда было бы очень смешно.

Мы открыли вино.

Позже вспомнил, как мы одновременно предложили добавить стрелочку к журнальному «человеческому присутствию». Я успел сказать первым, она потом призналась, что собиралась сказать то же. Небольшая вещь. Но сегодня после её признания мне почему-то понадобилось вспомнить именно её.

Наверное, поэтому мне с ней хорошо. Не приходится сперва объяснять, в каком месте я пошутил, а потом извиняться за то, что было смешно.

21 сентября 2026 года

Вечером позвонил друг.

— Ты где?

— Дома.

— Чем занимаешься?

Посмотрел на тетрадь.

— Ничем.

Это прозвучало гораздо честнее, чем хотелось.

22 сентября 2026 года

В последнее время мне тяжелее жить оттого, что я слишком много думаю. Звучит самодовольно: интеллектуальный мученик, раздавленный весом познания. На деле я полчаса объяснял себе, почему не хочу отвечать на простое сообщение. Усталость, привычка защищаться, страх близости. Пока выбирал объяснение, Оля позвонила и спросила, покупать ли хлеб. Вот и весь разобранный мир. С Рассказчиком мне проще: слушаю чужую жизнь и на время забываю объяснять собственную.

24 сентября 2026 года

У родителей моей подруги было принято рвать её рисунки. Гитару однажды продали: дурию мается, учиться надо. А я с ранних лет писал прозу. Как-то вернулся из школы и не нашёл ни тетрадей, ни дневников, ни даже привезённых родственником книг. Оказалось, родители жаловались друг другу: сын слишком много читает. Мало того — сочиняет нелепые фантастические рассказы. Не отвести ли к доктору?

А потом все жалуются: почему их выросших детей инте-

ресуют только спиртное и наркотики? Вспомнил об этом, когда он бережно убрал блокнот от чужого локтя. Не отобрали бы, не пролили бы, не потерялось бы. Знакомое движение. Я раньше думал, что защищаю в своих записях талант, а может, защищал просто право довести мысль до конца.

25 сентября 2026 года

Рассказчик сегодня пришёл позже обычного и принёс контейнер с котлетами.

— Это что?

— Мать дала.

— Тебе двадцать сколько?

— Достаточно, чтобы не отказываться от котлет.

Одну съел холодной прямо на скамье. Вторую предложил мне. Сказал, что был у матери менять лампочку в коридоре. Лампочка меняется за минуту. Просидел три часа.

— О чём говорили?

— Ни о чём.

Она показывала ему новые занавески. Потом искала квитанцию, которая лежала на столе. Потом рассказывала про соседку снизу, хотя он эту соседку никогда не видел. Потом они смотрели какую-то передачу, которую оба считали идиотской и оба досмотрели.

— И всё?

— А что ещё?

Я не знал. Он доел котлету, вытер пальцы салфеткой и сказал:

— Она стала медленнее ходить.

Вот после этого мы некоторое время молчали. Потом он достал тетрадь. Я почему-то подумал, что тетрадь сегодня лишняя. Ничего не сказал.

27 сентября 2026 года

Есть два типа тишины. Первая — когда нечего сказать. Вторая — когда говорить уже не требуется. Сегодня мы сидели почти час молча. Он писал, я смотрел, как ветер гоняет листья. Раньше я бы счёл это потраченным временем. С возрастом вообще многое меняется. В юности хочется изменить мир. Потом хотя бы квартиру. Потом выясняется, что на кухне опять грязный холодильник, и мировая революция переносится на выходные. Позже заехал к родителям. Мать спросила, помню ли я, как в детстве рисовал всё подряд. Помню. Она помнит лучше. Странное дело: часть детства хранится у других людей, потому что тебе самому было некогда архивировать собственную жизнь. Спросил, остались ли рисунки.

Не осталось. Расстроился, хотя после истории с тетрадями мог бы догадаться.

А у Рассказчика сегодня, перед тем как разойтись, всё-таки спросил имя. Он назвал своё, я — своё. Пожали руки, почувствовали себя идиотами и засмеялись. Потом обменялись телефонами. В контактах я так и оставил: «Рассказчик». Дома хотел исправить и не стал. В дневнике тоже пусть пока будет так.

1 октября 2026 года

Кончился первый месяц осени. Мысль о человеческих жертвоприношениях ради хорошей погоды кажется всё менее дикой. Сегодня с утра было темно так, будто город проспал. Из дома выходить не хотелось. Вечером всё-таки вышел. Рассказчик пришёл мокрый, сел, достал блокнот. Я спросил, почему не остался дома.

— Надо записать.

— Можно завтра.

Он посмотрел на меня.

— Завтра будет уже другое.

Почему-то это прозвучало не о записи.

Оля оставила у меня зубную щётку. Никаких разговоров не было. Просто утром в стакане стояли две. Весь день почему-то хотелось домой.

2 октября 2026 года

Оля спросила, зачем я хожу его слушать. Ответил: интересно. Она сказала, что это она поняла, а зачем? Раньше меня бы раздражала сама постановка вопроса. Сейчас подумал. В его рассказе человека можно лишить страны, не сдвинув с места ни дом, ни дерево. Он просыпается, а над ним уже другие правила. Снаружи почти ничего не меняется. Даже начальник остаётся тем же идиотом. Только теперь этот идиот по-другому объясняет, почему ты ему должен. Это не похоже на сказку. Или сказки гораздо менее вымышленные, чем принято считать. Оля сказала, что я наконец нашёл коллегу по обсуждению работы. Возможно. Только у него хотя бы

море.

6 октября 2026 года

Поймал себя на странной привычке. После пробуждения несколько секунд лежу и пытаюсь вспомнить, что мне снилось. Раньше никогда этого не делал. Сегодня не вспомнил ничего. Было почему-то обидно.

Костя увидел чужую большую тетрадь.

— Роман пишешь?

— Нет.

— Тогда хуже.

Я спросил, почему.

— Романы хотя бы заканчиваются.

Посмеялись. Тогда это была просто шутка.

10 октября 2026 года

На остановке женщина уронила пакет. Апельсины покатились по асфальту. Помог собрать. Она сказала:

— Спасибо, молодой человек.

Вот и всё. Я почему-то запомнил этот эпизод лучше половины вчерашнего разговора с Рассказчиком. Может быть, память тоже иногда хочет отдохнуть.

Вечером смотрели с Олей плохой фильм. На середине она уснула у меня на плече. Рука затекла. Не двигался минут сорок. Есть разновидность счастья, которая в основном состоит из неудобства и боязни испортить.

15 октября 2026 года

Рассказчик спросил:

— Тебе самому что-нибудь снится?

— Конечно.

— Записываешь?

— Нет.

— Почему?

Хотел сказать: потому что это всего лишь сны. Не ска-
зал. Не понравилось выражение «всего лишь». Есть слова,
которыми мы закрываем вопрос, когда не хотим признаться,
что ответа нет: «просто», «случайность», «ерунда», «показа-
лось». У магазина встретил человека, который очень уверен-
но объяснял другому, как надо жить. Стоял с банкой пива и
пакетом кошачьего корма. Люблю специалистов-практиков.
Потом подумал, что сам делаю примерно то же самое в этом
дневнике. Только без кота.

23 октября 2026 года

Поссорились. Из-за ерунды. То есть из-за того, что снача-
ла было ерундой, а через пятнадцать минут стало вопросом
уважения, доверия, моего характера и почему я всегда так
делаю. Я не всегда так делаю. Иногда.

24 октября 2026 года

Сегодня весь город пах мокрыми листьями. Удивительная
вещь — запах. Фотография напоминает, музыка возвраща-
ет, а запах буквально вышибает дверь. Ты не вспоминаешь
прошлое — на несколько секунд снова оказываешься внут-
ри него. Если мозг способен сделать это наяву, почему мы
так уверены, что ночью он обязан вести себя приличнее? Я

всё меньше люблю слово «реальность». Слишком самоуверенное.

26 октября 2026 года

Помирились. Никаких выводов. Она принесла пирожные. Я купил вино. Высокая дипломатия.

28 октября 2026 года

Он спросил, почему я всё время пытаюсь понять, правда ли то, что он рассказывает.

— Потому что должен же быть какой-то критерий.

— Зачем?

— Чтобы отличать.

— Что от чего?

Разозлился. Не на него. Наверное.

29 октября 2026 года

Есть только миг между «да чёрт с ним, поехали» и «к чёрту, я сегодня дома», и именно он называется жизнь...

В целом ничего не меняется: утром душ, чай или кофе, ленивый взгляд на завтрак. Только с каждым днём за окном всё темнее. Однажды будильник звонит, ты открываешь глаза и видишь ночь. Значит, в городе настоящая осень.

Сначала осенью любишь: хватаешь руками листопады, испытываешь тихую нежность к людям, которых летом едва замечал. Потом листья превращаются в мокрую грязь, и остаётся любить людей без всякой помощи природы. Сегодня хотелось только домой, к мягкому свету над столом.

Сегодня рано стемнело. Возвращался через сквер и думал

о том, что пока различаю оба дома: свой, в котором оставил свет, и тот, до которого он никак не может добраться во сне. Первый в нескольких кварталах. Второй — непонятно где, но до него почему-то дольше.

30 октября 2026 года

На работе сломался принтер. Сразу выяснилось, что современная цивилизация держится не на электричестве, интернете и международном праве, а на одном старом аппарате, который отказывается печатать договор. Пять взрослых людей стояли вокруг него и давали советы. Я тоже. Принтер не уважал ни одну из наших версий реальности. Пришёл системный администратор, открыл крышку, вытащил смятую бумагу. Иногда истина всё-таки существует. И выглядит как лист А4, зажёванный роликом. Достал зимнюю куртку. В кармане прошлогодний чек, две монеты и номер телефона без имени. Чек выцвел почти полностью. Номер сохранился. Не позвонил.

В сквере Рассказчик разозлился. По-настоящему. Я в очередной раз спросил, почему он не перестанет записывать, если ему от этого хуже. Он резко закрыл тетрадь.

— Потому что я уже пробовал.

— И?

— И было хуже.

— Чем?

— Всем.

— Очень информативно.

— А я тебе ничего не должен.

Сказал громко. На соседней скамье женщина посмотрела. Он встал, прошёл несколько шагов, вернулся.

— Извини.

— Не за что.

— Есть за что.

Сел. Руки дрожали. Я раньше не замечал.

— Я не хочу быть этим человеком, — сказал он.

— Каким?

Показал на тетрадь.

— Который только это и делает.

— Так не делай.

Он посмотрел на меня с такой злостью, что я наконец заткнулся. Потом сказал:

— Ты всё ещё думаешь, что выбор — это когда перед тобой две двери.

Больше ничего не объяснил. Через пять минут спросил, смотрел ли я новый сериал. Обсуждали сериал. Он оказался никуда не годным.

2 ноября 2026 года

Начал переписывать некоторые записи Рассказчика себе. Купил для этого толстую синюю тетрадь. Дневник остаётся в кремовой; его сны — в зелёной; моя копия будет в синей. Нашёл ещё одного Бутафория Идоловича. Имя то же, только вырос он в другом доме, и отец у него совсем другой. Сначала решил, что пропустил страницы. Проверил: ничего не

пропустил. На полях поставил «остров» и «легион», чтобы самому не путаться.

— Почему у них одно имя?

Он перелистнул назад, проверил начало.

— Так их зовут.

— Обоих?

— Пока обоих.

Я спросил, сколько их ещё будет. Он сказал, что не считал. Что это вообще не он решает, кому кем сниться. Сказал так, будто где-то существует порядок, по которому это решается, просто нам его не показывают.

Его почерк местами похож на кардиограмму человека, которого только что ударили током. Я сказал, что когда-нибудь он сам ничего не разберёт. Он пожал плечами:

— Поэтому переписывай.

Сказано было так буднично, будто мы договорились поливать цветы. Мне это не понравилось.

Мать спросила:

— Ты ел?

Я посмотрел на пустую кастрюлю. Сказал:

— Сейчас.

Она почему-то удовлетворилась. Сварил гречку. Некоторые обещания легче выполнить, если они уже даны.

5 ноября 2026 года

До двух ночи переписал одиннадцать страниц. Потом ещё читал. К концу буквы стали мельче, будто я пытался уме-

стит остаток ночи на бумаге. Утром пошёл за кофе. Девушка спросила:

— Большой или маленький?

Я секунд пять не мог понять вопрос. Взял большой. Размеры — хорошая система. Два варианта. Никакой метафизики. Раньше бессонница у меня была довольно необязательная. Можно было выключить музыку, закрыть книгу. Этой ночью выключил свет только в три. На третьей странице было: «Он хотел уйти. Он не ушёл». Я написал: «Уйти он не решился». Красивее. Только в исходнике не было сказано, что он боялся. Может, ждал кого-то. Зачеркнул, вернул два раза «он». На одиннадцать страниц ушла ночь, а я ещё и задерживал людей в комнатах по собственному усмотрению.

6 ноября 2026 года

Она спросила:

— Ты меня слушаешь?

Сказал:

— Да.

И понял, что последние минуты думал о тетради. Оля убрала тарелку и стала вытирать стол.

7 ноября 2026 года

Сфотографировал несколько страниц. Зачем переписывать от руки, если можно сохранить? Оля права, я выбираю самый мучительный способ и потом горжусь усталостью. На снимках всё видно. Никаких пропавших слов, размытых лиц, подобной кинематографической ерунды. Обычный по-

черк на обычной бумаге. Но когда читаю с экрана, сразу хочется перелистнуть. Я уже знаю, что будет дальше. Когда переписываю, почему-то не могу. Приходится быть рядом с каждой фразой столько, сколько нужно руке. Наверное, ради этого и затеял. Только не знаю, зачем мне нужно оставаться там так долго.

10 ноября 2026 года

Завтрашний я уже ненавидит меня нынешнего за то, что я сейчас не сплю, хотя возможность имеется. И я уже чувствую, как я устану завтра.

Отматываю жизнь назад, глядя на прошлое сквозь дно пустого стакана. Сейчас всё могло быть куда лучше, но я, надо признать, очень постарался. Хочется, чтобы кто-нибудь увёз меня за сто морей. Желательно без необходимости собирать вещи и объясняться на работе.

Людям, которые советуют всегда выбирать только то, что хорошо лично мне, хочется пожелать такого же хирурга. Что-бы под конец операции он сказал: «Я устал, мне сейчас лучше домой». А потом думаю, что эти люди, вероятно, предлагали мне просто выпасться. До хирурга я додумал сам.

Знаете, если бы жизнь периодически не водила нас лицом по асфальту, то Ромео бы успел, родители подружились. Крепостное бы отменили, Муму бегала счастливая. Поезд бы задержали, Анна передумала. Теремок бы расширили, медведь вместился.

Так и тянет исправить им всем жизнь хотя бы на бумаге.

Только в собственной опять три часа ночи.

11 ноября 2026 года

Ночью переписывал до трёх. На работе сегодня существовал исключительно юридически. Коллега спросил, всё ли нормально. Ответил, что да. Универсальная человеческая традиция: спрашивать «всё нормально?» таким тоном, чтобы человек ни в коем случае не начал рассказывать. Мать позвонила и спросила, почему давно не приезжал. Сказал: работа. Это универсальный ответ взрослого человека. Им можно объяснить отсутствие денег, времени, сна, друзей и желания жить. Она сказала:

— Понятно.

И мне сразу стало стыдно, потому что ей действительно понятно.

13 ноября 2026 года

Сегодня Рассказчик ничего не рассказывал. Вообще. Пришёл, сел, поздоровался. Я ждал. Он смотрел на людей. Минут через пятнадцать спросил:

— У тебя бывает, что разговаривать просто лень?

— Постоянно. Поэтому я такой приятный.

Кивнул. Ещё минут двадцать молчали. Я несколько раз собирался спросить, что случилось. Не спросил. Потом мимо прошла женщина с огромным букетом укропа. Именно укропа. Не цветов. Рассказчик посмотрел ей вслед и сказал:

— Вот человек подготовился к жизни.

Он засмеялся, сел поудобнее и всё-таки начал рассказы-

вать.

15 ноября 2026 года

Сегодня поймал себя на том, что мысленно спорю не с людьми, а с записями. Раньше внутренний диалог был проще: я, воображаемый собеседник и великолепная версия меня, которая всегда находит правильный ответ секунд через сорок после окончания настоящего разговора. Теперь туда добавился Рассказчик. Хуже того — иногда он побеждает. Я начинаю понимать, почему люди с возрастом становятся молчаливее. Возможно, они не мудрее. Просто внутри уже слишком много участников совещания.

Сегодня специально не пошёл в сквер. Мы ужинали. Она рассказывала про работу, я рассказывал про идиота на работе. Потом мы мыли посуду.

В какой-то момент подумал: вот, наверное, и всё, что мне было нужно. Мысль испугала сильнее большинства снов, которые я слышал.

16 ноября 2026 года

Друг позвонил вечером.

— Ты дома?

— Да.

— Один?

— Нет. Со мной холодильник, стиральная машина и два неоплаченных счёта.

— Значит, компания нормальная.

Он приехал с крыльями и пивом. Есть рестораны, куда

можно сводить кого угодно. А есть люди, с которыми можно ночью есть руками из одной коробки и не чувствовать необходимости быть интересным. Я ничего не рассказывал про блокнот. Он ничего не спрашивал. Хороший вечер. Друг сказал:

— Ты когда слушаешь, у тебя лицо становится как у человека, который читает сообщение и не хочет отвечать.

Спросил, откуда он знает.

— У тебя всегда такое лицо.

Успокоил.

17 ноября 2026 года

Настроение: устроить пьяный дебош с элементами эротики. Пока просто лёг вчерашним числом в сегодняшний день. Жёсткий диск с мыслями водкой всё равно не форматируется, а утром приходится запускать эту систему ещё и с головной болью.

«— Что с тобой?

— Я схожу с ума.

— Подожди, я схожу с тобой».

Сейчас такой момент, когда мне одиночества хочется больше, чем наличных и загорелых девиц. Кстати, одиночество — это не когда тебя бросили. Одиночество — это когда тебя некому забрать из морга. Всё остальное — это так, временные затруднения. В юности боялся, что люди из интернета найдут меня в реальной жизни. Сейчас боюсь, что люди из реальной жизни найдут меня в интернете. Просто порой

люди несут такой бред, что единственное спасение — прикинуться идиотом. И знаете, как прекращается больше половины разговоров с моими «друзьями»? Я просто перестаю писать им первым. Вот и весь фокус-покус, чёрт. Крымское вино сегодня было по акции за 450 рублей.

Вино купил, но не открыл. Надо всё-таки разобраться, чего здесь больше: недосыпа, выпивки или моего желания придать происходящему значение. Решил неделю не пить. Запишу это без героизма. Неделя ещё не началась.

18 ноября 2026 года

Она прочитала дневник. Не весь. Страницу. Я оставил его открытым на столе и ушёл в душ. Когда вернулся, она сидела там же. Я посмотрел на дневник.

— Ты читала?

— Да.

— Зачем?

— Он был открыт.

— Это не ответ.

— Тогда не знаю.

Я взял дневник и закрыл. Очень аккуратно. Настолько аккуратно, что самому стало противно. Она сказала:

— Прости.

Я молчал.

— Я правда не собиралась. Там было про меня.

— Всё равно.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

— Хорошо. Не знаю.

Пауза. Потом она сказала:

— Но знаешь, что самое мерзкое?

Я посмотрел.

— Ты там меня слышишь.

Не понял.

— Что?

— В дневнике. Ты записал всё, что я тебе говорила вчера.

Про редактора. Про отца. Даже фразу про женщину на балконе. Почти дословно.

— И?

— А когда я это говорила, ты два раза переспросил одно и то же.

— Я устал.

— Нет.

— Тогда что?

Она долго молчала.

— Ты меня лучше записываешь, чем слушаешь.

Я отодвинул чашку и сказал:

— Ты залезла в мой дневник и теперь объясняешь мне, какой я плохой слушатель?

— Я не объясняю, какой ты плохой. Я объясняю, почему мне страшно.

— Тебе?

— Да, мне. Представь себе, у меня тоже бывают чувства,

не только у главного героя.

Я засмеялся и осёкся: она ждала ответа.

— Вот, — сказала она. — Именно.

— Что именно?

— Ты всё превращаешь в шутку, когда разговор подходит близко.

— А что мне делать? Плакать?

— Иногда можно просто не убегать.

— Я никуда не уйду.

Она посмотрела на стол. На дневник. На большую тетрадь Рассказчика. Потом на меня.

— Ты постоянно куда-то уходишь.

После этого мы почти час не разговаривали. Она осталась ночевать. Утром сделала кофе на двоих. Это почему-то было хуже любой красивой ссоры.

19 ноября 2026 года

Третий вечер не открываю купленное вино. Ничего особенного не случилось. Голова тяжёлая, сон такой же рваный, зато не надо угадывать, сколько вчера было стаканов. Возвращал блокнот. Он посмотрел на меня внимательнее обычного и спросил, успеваю ли я спать. Я ответил, что мне всегда мало сна. Почему-то стало важно доказать, что справляюсь. Справляюсь с чем? Мне никто не давал задания. Я сам попросил чужую тетрадь, сам сижу с ней до утра и теперь защищаюсь от человека, который всего лишь спросил, не устал ли я.

20 ноября 2026 года

Есть знание и есть понимание. Знание можно получить чужое. Прочитать, выучить, повторить. Понимание всегда приходится добывать самому, и обычно оно обходится дороже. Я знаю, что это сны. Я понимаю всё меньше. Друг спросил, почему я всё превращаю в шутку. Сказал:

— Потому что если сформулировать некоторые вещи серьёзно, потом придётся с ними что-то делать.

Он ответил:

— Логично.

Ненавижу людей, которые принимают мои защитные механизмы за аргументы.

21 ноября 2026 года

У неё сегодня была съёмка для какого-то маленького отеля. Я пришёл ближе к концу. Она полчаса двигала стул. Не образно. Обычный деревянный стул: к окну, от окна, на двадцать сантиметров вправо, обратно.

— Ты издеваешься над мебелью?

— Свет плохой.

— Стул виноват?

— Сейчас будешь виноват ты.

Я сел в углу и замолчал. Она почти не разговаривала. Ходила по комнате, приседала, смотрела в экран, снова вставала. Один раз попросила администратора убрать вазу. Через пять минут вернула вазу. Потом сняла пустую кровать, ручку двери, складку на занавеске и чайник. Я раньше думал,

что фотограф видит красивое. Она, кажется, сначала видит неправильное. После съёмки сказала:

— Всё плохо.

— Совсем?

— Две нормальные.

Показала. Я выбрал одну. Она выбрала другую.

— Почему?

— Потому что на твоей всё понятно.

Сказала без упрёка. Просто как техническое замечание. Потом мы пошли есть хинкали, и она двадцать минут рассказывала, как ненавидит фотографов, которые называют себя художниками. Я слушал. В тот вечер — действительно слушал.

24 ноября 2026 года

Мне перестало быть необходимо нравиться всем. Когда-то это казалось взрослением. Сейчас думаю, что часть взросления — просто усталость заново вводить новых персонажей в сюжет. Объяснять, приучаться, рассказывать предысторию, выяснять границы, запоминать, кто что любит и чего боится. Сериал и так огромный. Я едва поспеваю за действием. Выигрывают очень любимые и очень лёгкие в общении — те, с кем не тягостны паузы. С Рассказчиком паузы не тягостны. Это беспокоит сильнее, чем если бы он мне нравился. У соседей сверху опять что-то сверлят. По звуку они строят запасной выход из реальности. Хотел подняться. Не поднялся. Включил музыку громче.

Компромисс — это когда никто не получает желаемого, зато у всех болит голова.

27 ноября 2026 года

Она принесла домой маленькую ёлочную гирлянду. Сказал, что ноябрь.

— И?

Повесила на окно. Вечером оказалось красиво. Ненавижу, когда человек приходит в твою жизнь и начинает предъявлять вещественные доказательства, что она могла быть уютнее.

29 ноября 2026 года

Рассказчик сегодня выглядел плохо. Спросил, когда он последний раз нормально спал. Он рассмеялся.

— Я сплю постоянно.

Сначала мне показалось, что это шутка. Потом — что нет.

Дома спросил Олю, зачем она вообще со мной. Вопрос возник не из философии. Она пыталась перевесить гирлянду на окне, стоя на табуретке, я держал табуретку и почему-то подумал, что не понимаю механизм.

— В смысле?

— В прямом. Почему я?

— Господи.

— Нет, серьёзно.

Она слезла.

— Потому что с тобой смешно.

— Отличная база для семьи.

— Я не закончила.

Села на подоконник.

— Потому что ты не врёшь, когда тебе плохо.

— Я постоянно вру.

— Про факты — да. Про состояние — нет. У тебя может быть всё нормально, и ты скажешь: «Всё нормально» таким голосом, что даже курьер поймёт: человека надо кормить и не задавать вопросов.

— Очень романтично.

— Потому что ты замечаешь идиотские вещи. Потому что ты можешь двадцать минут ненавидеть человека за то, как он ест яблоко, а потом ночью поехать через весь город, если ему плохо.

— Это был один раз.

— Три.

— Два.

— Три. И потому что ты думаешь, что никого не любишь, если не умеешь правильно это оформить.

Я отпустил табуретку. Она сказала:

— Не отпускаяй, я ещё полезу.

— Всё?

— Нет. Ещё ты красивый.

— Вот теперь ясно, что ты врёшь.

— Видишь? Невозможно.

Она снова полезла вешать гирлянду. Я держал табуретку. На окне загорались маленькие лампочки; Оля каждый раз

спускалась, отходила к двери, проверяла, как выглядит, и лезла обратно.

2 декабря 2026 года

Сегодня у него кончился маленький блокнот. Он принёс новый, такой же коричневый, только углы ещё целые. Старый хотел убрать, потом снова достал: там оставалось три слова. Сидел над ними долго. Я ждал. В большом зелёном ещё много чистых страниц. Теперь знаю, как медленно они могут заканчиваться.

3 декабря 2026 года

Первый настоящий гололёд. На пути от метро до работы видел трёх людей, которые внезапно пересмотрели отношения с гравитацией. Сам не упал. Шёл медленно, как человек, которому есть что терять. Зато у перехода угодил в серую кашу и до вечера думал преимущественно о мокром носке. Очень полезно иметь проблему, которую можно точно локализовать. На обратном пути подумал, что осторожность — неплохая стратегия вообще. Тут и поскользнулся. Вселенная не любит пафос.

4 декабря 2026 года

Она сегодня сказала:

— Давай хотя бы один вечер без тетрадей.

Я спросил:

— Почему?

— Потому что я соскучилась.

Мы живём в одной квартире четыре дня из семи. Она ска-

зала это так, будто я уехал. Убрал всё в шкаф. Сначала говорили о мелочах. Пошли в бар, где когда-то спорили о том, можно ли считать плохую шутку поводом для расставания. Она заказала портвейн, хотя обычно его не пьёт.

— В честь чего?

— В честь тебя нормального.

— Он умер.

— Я заметила.

Я засмеялся. Она тоже. Потом часа два говорили о её работе. О фотографиях. О том, что ей надоело снимать «между делом» и хочется однажды проснуться человеком, который имеет право сказать: это моя работа, а не увлечение после работы. Когда вернулись, я первым делом проверил, не загнулись ли страницы в шкафу. Оля ещё не успела снять пальто. Ничего не сказала. Я тоже. Вечер всё равно был хорошим.

5 декабря 2026 года

На работе отправил клиенту письмо, в котором написал «квартира» вместо «склад». Коллега спросила, не собираюсь ли я доставить всё это себе домой. Исправил, посмеялись. Ничего страшного. От чужих книг люди и не такое перенимают. Вечером проверил отправленные. Слово было только одно. Я искал ещё и расстроился, когда не нашёл. Вот это уже неприятно. Мне, оказывается, хотелось доказательств собственной необыкновенности.

6 декабря 2026 года

К ней пришла подруга. Я видел её раньше один раз, издалека. С подругой она была другой. Громче. Быстрее. Материлась чаще меня, что неприятно ударило по самооценке. Они вспоминали людей, которых я не знал, перебивали друг друга и смеялись до того места, где уже не слышно звука. Я сидел рядом и минут десять пытался понять, когда именно надо смеяться. Потом перестал. Подруга спросила:

— А он всегда такой тихий?

Она сказала:

— Нет. Это он изображает хорошего.

— Убедительно?

— Нет.

Мне понравилось, что они обсуждали меня в моём присутствии как неисправный бытовой прибор. Потом разговор ушёл куда-то совсем без меня: поездка, на которую они когда-то не поехали; человек по имени Сева; гостиница с тараканами; ночь на вокзале; какая-то куртка, которую они по очереди носили лет пять. Она смеялась так, как со мной почти не смеялась.

7 декабря 2026 года

Первый настоящий снег. Всегда удивляла его наглость: выпадает и лежит так, будто квартира его. Сегодня мы не встретились. Большой блокнот у меня. Переписываю. Стал замечать: некоторые фразы я помню до того, как дохожу до них глазами. Наверное, потому что слышал раньше. Наверное. Не мог уснуть. В голове открыто примерно две тысячи

вкладок, и в одной из них точно играет музыка, но найти её невозможно. Встал, попил воды, закрыл окно, снова лёг. Рассказчик тут ни при чём. Очень важно иногда иметь обычную, старую, родную бессонницу.

10 декабря 2026 года

Мне приснилось, что я стою у маминой двери и звоню. Слышу звонок, слышу, как она идёт открывать. Шаги приближаются, потом опять издалека. Между звонками успевал забыть, что уже нажимал кнопку. Всё начиналось сначала, а она никак не доходила.

Проснулся с мыслью, что с матерью что-то случилось, пока я стоял и ждал. Позвонил. Она взяла трубку не сразу, сонная, сердитая. На часах было шесть семнадцать. Я сказал, что ошибся кнопкой. Потом лёг и лежал, чувствуя себя отвлечённо. Не из-за сна. Из-за того, что не смог сказать живой матери: я испугался за тебя.

12 декабря 2026 года

Не могу заснуть из-за предчувствия, что не выплусь. В два ночи перечитывал старые записи. Вот человек уверен, что через год будет жить иначе. Вот формулирует истину, которую завтра можно выбить на граните. Узнаю почерк. Человека — не всегда.

Если личность — непрерывность, почему между мной сегодняшним и мной десятилетней давности иногда меньше общего, чем между двумя незнакомцами? Может быть, мы просто очень медленно сменяем друг друга и называем это

жизнью.

На корпоративе человек из бухгалтерии сказал, что в следующем году всё будет лучше. Я спросил, откуда информация. Он сказал:

— Ну должно же.

Вот на этой доказательной базе человечество, кажется, и существует. Выпили.

13 декабря 2026 года

Вечером Рассказчик долго искал страницу. Я подсказал, что на ней внизу пятно, как маленький остров. Он посмотрел на меня и сказал, что пятна там нет. Я был уверен, что есть. Уверенность продержалась до дома: пятно оказалось в моей копии, я сам пролил чай. Значит, представляя его блокнот, я уже представляю свой. Не знаю, почему эта простая путаница так испортила вечер. Наверное, потому что я всерьёз собирался настаивать.

14 декабря 2026 года

Сегодня Рассказчик сам оборвал рассказ. Просто замолчал.

— И?

— Всё.

— В смысле?

— Больше не помню.

Сидели. Мне почему-то хотелось помочь ему вспомнить. Это уже совсем странно. Я там не был.

17 декабря 2026 года

У Рассказчика сегодня был день рождения. Узнал случайно. Он сказал, что сестра звонила поздравить.

— У тебя есть сестра?

— Представь себе.

— Старшая?

— Младшая.

— Нормальная?

— На фоне меня — выдающаяся.

У неё двое детей. Живёт далеко. Он показывает им фокусы по видеосвязи и каждый раз забывает, какие уже показывал. Попросил показать один. Он достал монету. Фокус был ужасный. Монета упала под скамью. Искали вдвоём с фонариками телефонов. Нашли чужую пуговицу, крышку от пива и две монеты.

— Прибыль, — сказал он.

Свою так и не нашли. Спросил, будет ли отмечать.

— Уже.

— Это?

— А что не так?

Ничего. Купил в киоске две маленькие бутылки коньяка.

Пили из пластиковых стаканов. Он сказал:

— В следующем году хочу, чтобы всё было нормально.

— Конкретнее.

— Нет.

— Почему?

— Если конкретно, потом видно, что не получилось.

Тогда я решил, что это просто грустная шутка.

19 декабря 2026 года

Общий корпоратив. Двенадцатого пили только своим отделом; теперь надо со всеми. Сначала все обсуждают работу. Потом делают вид, что никогда её не обсуждают. Потом кто-нибудь признаётся человеку из бухгалтерии, что всегда его уважал. Я ушёл раньше. Коллега поймал у гардероба:

— Ты куда?

— Домой.

— Рано же.

Странно, как меняется человек. Когда-то фраза «рано домой» звучала почти как оскорбление. Сейчас — как приглашение.

Вечером заехал к Косте. Он сказал, что я стал чаще отменять встречи. Возразил, что он ведёт статистику без достаточной выборки.

— Три раза подряд.

— Уже лучше.

— Я серьёзно.

Вот тут пришлось замолчать. Он тоже замолчал. Потом спросил, какую пищу брать. Очень хороший человек.

20 декабря 2026 года

В старой заметке память названа монстром: «Вы забываете, она нет. Она копит, прячет и сама решает, когда выдать накопленное». Как я был уверен в устройстве собственной головы.

Утром снова переписывал возвращение в квартиру: в первой копии пропустил несколько строк. Рука продолжала писать, а я смотрел на чашку возле раковины. Отчётливо помнил, что она стояла там, возле заклеенного окна. Эта самая, которую Оля купила себе. Конечно, я мог подставить знакомую чашку в чужую комнату. Понимать это оказалось легче, чем перестать её там видеть.

23 декабря 2026 года

Нашёл ещё один старый опыт.

Прочитай это про себя. Читай тихо. Не двигай губами. Не издавай ни звука. Прислушайся к себе. Слушай только себя и никаких прочих звуков. Какая восхитительно странная штука, а? А Сейчас Громко! Кричи В Своих Мыслях! Заглушая Всё Вокруг. Теперь услышь шёпот. Еле слышимый. А сейчас прочитай следующую строку своим лучшим сварливо-стариканским голосом:

«Ну, здравствуй, сынок. А есть ли в твоём городке почтовое отделение?»

Великолепно! Кто это был? Чей это был голос? Совершенно точно не ваш! Как вам это удаётся? Как?! Должно быть, магия.

Попробовал. Стариковский голос получился. Мой — нет. То есть я читал привычно, но когда начал прислушиваться, привычность пропала. Как со словом, которое повторяешь, пока оно не превращается в набор звуков. Потом позвонил Костя. Поговорили о том, что выпал снег. На этом разговоре

мой голос работал нормально.

25 декабря 2026 года

Люди готовятся к праздникам так, будто смена цифры способна отменить всё, что они сделали за предыдущий год. Мне нравится сама идея. Ночь, после которой можно начать заново. Жаль, что утром просыпается тот же человек. Рассказчик сказал:

— Ты стал меньше шутить.

— Старею.

Он посмотрел внимательно.

— Нет.

Ненавижу, когда загадочные люди отказываются поддерживать простые объяснения.

27 декабря 2026 года

Мать спросила, приду ли на Новый год. Сказал, что приду. Она ответила:

— Хорошо.

Никакого восторга. Никаких уточнений. Как будто я всегда прихожу. Мне понравилось. Иногда любовь — это когда твоё возвращение не считается событием.

28 декабря 2026 года

Lee Moses «Hey Joe». Память, ну чё ты начинаешь? Ну нормально же всё забыли. Стокан за ваше здоровье. Жалко, что невозможно каждый вечер мыть голову изнутри.

Почему никто не открыл экзистенциальное кафе «Тошнота»? Тленивые голубцы, безысход-доги, пятьдесят сортов

отчая. По субботам — еле-живая музыка. Я бы купил клубную карту.

В старой записи стоял год. Убрал его, когда переносил сюда. Теперь сам не знаю, имел ли право. Год не подходил, мысль подошла. Так, наверное, и начинается подделка: с чего-то, что кажется несущественным.

31 декабря 2026 года

Полночь. За окном взрывают деньги, превращая их в свет и шум. Я дома. Родителям позвонил перед самым боем часов. Мать спросила, не случилось ли чего; сказал, что просто устал. Она ведь ждала меня, я обещал. На столе два блокнота: мой и его. Хотел написать что-нибудь итоговое, про время и людей. Написал, что не приехал. Пока хватит.

Часть III

Переписчик

3 января 2027 года

Два дня ел салаты. На третий организм потребовал человеческой пищи. Заказал пиццу. Новый год официально закончен.

6 января 2027 года

Проснулись поздно. Она варила тот самый нормальный кофе. Я стоял в дверях кухни и смотрел.

— Что?

— Ничего.

И правда ничего. Хорошо.

8 января 2027 года

Сегодня впервые записал сон сразу после пробуждения. Свой. Три слова. Через час смотрел на них и не понимал, что они означают. К вечеру вспомнил почти всё. Это меня обрадовало сильнее, чем должно было.

10 января 2027 года

Встал у двери и никак не мог выйти. Казалось, забыл проверить номер квартиры. Какой ещё номер? Я живу здесь не первый год. Паспорт на месте, пропуск в кармане, ключи в руке. Потом понял: боюсь, что, когда вернусь, пройду мимо своей площадки. Как он во сне. У нас вообще-то есть лифт. Я даже разозлился на эту мысль: лифт не помогал, потому что я уже представлял, как выхожу из него не там. Прошло минуты через две. До работы дошёл нормально. Обратился к врачу, записали на послезавтра.

12 января 2027 года

Маленький блокнот возле кровати оказался опаснее телефона. Телефон хотя бы предлагает развлечения. Блокнот предлагает ответственность. Просыпаешься в четыре утра, видишь какую-то фразу и понимаешь: если не запишешь сейчас, утром её не будет. Раньше я бы сказал: ну и пусть пропадает. Теперь встаю. Сегодня утром обнаружил три слова. Одно разобрал. Второе, вероятно, «окно». Третье может быть чем угодно — от «страх» до «сыр». Если это послание подсознания, оно явно переоценивает мой почерк. Утром нашёл в холодильнике кружку. Понятия не имею, зачем по-

ставил её туда. Постоял, посмотрел. Потом вспомнил: ночью хотел остудить чай.

Нормальное объяснение нашлось слишком быстро. Даже немного разочаровался. Это уже плохой симптом. Врач спросила, сколько я сплю. Ответил: по-разному. Пришлось всё-таки посчитать. Она не смеялась над снами, не пыталась отнять блокноты и не объявляла меня никем. Спрашивала, что происходит днём, мешает ли это работать, кто из близких знает. Оказалось, почти никто не знает внятно. Всем досталась своя шутка. Сказала, что нужно наладить сон и продолжить обследование, а если станет хуже — обращаться раньше следующего приёма. Подробности запишу отдельно, чтобы не превращать назначения в литературный материал.

Когда вышел, было обычное светлое утро. Люди стояли в очереди за кофе. Захотелось подойти к кому-нибудь и сказать: я тоже стою в очередях, я вполне нормальный участник этого безобразия. Купил булку. Позвонил Косте. На этот раз рассказал без номера.

14 января 2027 года

Сходил к стоматологу. Есть особая разновидность человеческого оптимизма: знать, что зуб сам не вылечится, и всё равно несколько месяцев ждать, вдруг он передумает. Врач посмотрел снимок и спросил, где я был раньше. Хотел честно ответить: дома, на работе, в магазине. Жил насыщенной жизнью человека, который надеялся, что проблема, которой не уделяют внимания, из вежливости исчезнет. Не исчезла.

Удивительно приятная вещь — проблема, которую можно увидеть на снимке, показать пальцем и починить. Забыл, что хотел записать.

15 января 2027 года

Спал. Долго, с пробуждениями, но спал. Костя привёз еды, потом попросил помочь выбрать машину. У него было три объявления: в одном подозрительно маленький пробег, в другом подозрительно свежая краска, третью он просто хотел. Я ничего не понимаю в машинах. Рассматривали фотографии до десяти. Костя уехал смотреть третью.

На ночь спрятал свою копию в шкаф. Дневник оставил. Мне важно ещё различать их.

17 января 2027 года

Показал запись Рассказчику.

— Ну?

— Что?

— Это нормально?

— Что именно?

— Что я вспомнил.

Он пожал плечами. Иногда хочется ударить философа табуреткой. Не из злости. Для конкретики.

18 января 2027 года

Вернулся в сквер. Не за блокнотом, просто узнать, как он. У него расползлся шов на рукаве. Я раньше не замечал. Он рассказывал о школьном коридоре, в котором работал взрослым. Знал, где находится класс, но искал свой кабинет. Каж-

дый, кого встречал, помнил его в другом возрасте.

Спросил, не продолжение ли это. Он сказал, что не знает. Я тоже не знал, но зачем-то начал объяснять, как можно соединить истории. Он слушал вежливо. Потом тихо сказал, что не надо соединять то, что ещё не вспомнилось. Домой ушёл без блокнота. Всю дорогу спорил с этой фразой. Дома открыл собственную копию.

19 января 2027 года

Проснулся в четыре. Записал пять строк. Утром прочитал. Почерк мой. Слова мои. Ни одного конкретного события — только последовательность ощущений, которая ночью казалась абсолютно понятной. Показал Рассказчику. Он прочитал и вернул.

— И?

— Ничего.

Ненавижу его за экономию комментариев.

Дома Оля сказала, что я разговариваю во сне. Спросил что именно.

— Не знаю. Неразборчиво.

Слишком быстро ответил:

— Хорошо.

Она посмотрела.

— Почему хорошо?

Сказал, что не люблю выдавать секреты. Шутка не сработала.

20 января 2027 года

Опять взял блокнот. Сказал себе: только допишу оборванный эпизод. Там мальчик слышит стихи ночью. Мне хотелось закончить хоть чем-нибудь живым. На одной странице увидел чужую короткую помету сбоку. «Не исправлять». По-черк тот же, что в основном тексте. Может, он оставил её себе. Может, мне. Я не спросил. До трёх переписывал. Потом ещё читал. Утром отменил встречу с Олей: очень устал. Она ответила «понятно». Первое по-настоящему страшное слово за всю эту зиму.

23 января 2027 года

На улице голубь подошёл почти вплотную и сказал что-то вроде «ур-ур-ур». Я сказал:

— Понимаю.

Мужчина рядом посмотрел на меня. Пришлось сделать вид, что говорил по телефону. Телефона в руке не было. Ситуация не улучшилась. Зато голубь не осудил. На работе перепутал имена двух коллег. Они работают со мной четыре года. Извинился. Один сказал:

— Стареешь.

Спасибо ему. Возраст — очень удобная помойка для симптомов.

25 января 2027 года

Moby «Why does my heart?» Нашёл свою старую запись про «ничьих». Люди сами по себе, холодные, притягательные, никому не принадлежат. Их чувства якобы находятся под властью рационального мышления. Они не стремятся

попасть в стадо. Перечитал и узнал каждую позу. Я же себя описывал. Только почему-то во множественном числе.

«Они наблюдатели». Я долго считал это самым безопасным занятием. Сидишь чуть в стороне, смотришь, всё понимаешь. На работу чужих чувств не распространяется трудовое законодательство, отпуск тебе не положен, но ведь можно встать и уйти.

Я встаю. Хожу по комнате. Сажусь обратно. Возможно, снаружи это и выглядит как свобода.

26 января 2027 года

Почти не вижу людей. То есть физически вижу постоянно. Транспорт, работа, магазин. Но всё меньше разговариваю. Раньше одиночество казалось отсутствием людей. Сейчас думаю, что оно начинается там, где тебе не с кем говорить о том, что кажется существенным. Парадокс: рядом появился человек, с которым я могу говорить о существенном, и именно поэтому остальные разговоры стали казаться ещё более пустыми. Плохая сделка. На кухне поймал себя на том, что веду воображаемый разговор. Не с Рассказчиком. С человеком, которого давно не видел. Потом понял, что в реальности сказал ему за последние два года слов двадцать.

Удивительно, сколько общения происходит без участия второго человека.

28 января 2027 года

У неё плохие отношения с отцом. До сих пор я знал это примерно так же, как знаю, что в Канаде холодно: информа-

ция есть, личного участия не требуется. Сегодня он позволил. Она посмотрела на экран и не взяла. Через минуту снова. Не взяла.

— Может, ответишь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не хочу.

Это прозвучало резко. Я пожал плечами. Она сказала:

— Вот. Ты тоже.

— Что я?

— Также считаешь, что если звонит родитель, надо брать трубку.

— Я ничего не считаю.

— У тебя лицо считает.

Она рассказала. Не всё. Кусками.

После смерти матери отец очень быстро женился. Не «слишком быстро» по объективному календарю — объективного календаря тут, видимо, нет, — а слишком быстро для неё. Потом продал квартиру, где она выросла. Потом несколько лет звонил в основном тогда, когда ему что-нибудь было нужно. Деньги не просил. Просил хуже: участия, которое сам когда-то не дал.

— Он плохой человек? — спросил я.

— Нет.

— Тогда сложнее.

— Да.

Сидела на полу возле дивана. Я тоже сел. Она сказала:

— Самое противное, что я его люблю. Было бы проще, если бы нет.

Ничего умного не сказал. Через полчаса телефон снова зазвонил. Она посмотрела. Взяла.

— Да, пап.

И ушла на кухню. Разговаривала минут сорок. Я не слушал. Точнее, старался. В какой-то момент услышал, как она смеётся. Потом плачет. Потом снова смеётся. Когда вернулась, глаза красные.

— Всё нормально?

— Нет.

— Чай?

— Да.

Вот и весь мой вклад: поставил чайник, нашёл чистую чашку. Она взяла её обеими руками и попросила пока ничего не спрашивать. Тут я, к счастью, справился.

30 января 2027 года

На работе попросили зайти к начальнику. Пока шёл по коридору, успел придумать увольнение, отдел кадров, бедность, эмиграцию и красивый вариант, где я посылаю всех к чёрту и ухожу в закат. Начальник сказал:

— Ты в последнее время какой-то уставший. Возьми пару дней. Отоспись.

Вот и всё. Очень неудобно, когда мир отказывается быть жестоким именно в тот момент, когда ты уже подготовил об-

винительную речь.

Друг заехал вечером. Увидел стопку тетрадей. Долго смотрел.

— Это всё ты написал?

— Не всё.

Хотелось, чтобы он спросил, что значит «не всё». Он не спросил. Сказал:

— Пицца остынет.

И я почему-то чуть не расплакался. Не расплакался. Пицца действительно остывала.

1 февраля 2027 года

Она принесла распечатанные фотографии. Разложила на полу. Сказала, что хочет выбрать серию для заявки. Я сел рядом. На первой — лестница старого дома. На второй — женщина за стеклом автобуса. На третьей — балкон с детским велосипедом, у которого почему-то не было руля.

— Эта, — сказал я.

— Почему?

Я уже открыл тетрадь.

— Подожди.

— Что?

— Посмотри сначала.

Я посмотрел.

— Я смотрю.

— Нет. Ты выбираешь быстрее, чем видишь.

Отложила фотографию. Потом собрала остальные.

— Всё?

— Всё.

— Ты же хотела выбрать.

— Уже не хочу.

Минут через двадцать она убрала фотографии. Я попросил показать ещё раз. Сказала: потом.

4 февраля 2027 года

В комод у родителей, между семейными альбомами и документами, нашёл конверт со старыми фотографиями. Вот молодой я, полный идей и желания изменить мир. Стоит возле какой-то стены и даже в кадре куда-то торопится. Теперь хочется объяснить ему, что сопротивление судьбе — главная причина стрессов. Очень удобное наставление от человека, который не может отнести вещи в стирку. Перебрал снимки. Молодой я меня всё равно не слушает.

В другом конверте нашёл фотографию, которую помнил с детства. На ней я маленький, держу в руках какую-то палку и очень серьёзно смотрю в сторону. Мать сказала, что это была удочка. Я был уверен, что ружьё. Обычная ошибка. Записал обе версии. Не надо сейчас выбирать более красивую.

6 февраля 2027 года

Оля осталась ночевать. Я обещал лечь вместе с ней, только закончу страницу. Закончил страницу, нашёл пропуск, вернулся к началу, полез сверять, и уже рассвело. Она спала лицом к стене. Я смотрел на её плечо и вдруг совершенно отчётливо понял, что пишу о заботе человека о родите-

лях, пока рядом со мной живой человек спит в одиночестве. Никаких демонов для этого не понадобилось. Я сам сделал всё необходимое. Лёг осторожно, чтобы не разбудить. Она не спала.

8 февраля 2027 года

Он спросил:

— Помнишь, я говорил про море?

Помнил.

— Уже не хочу.

— Почему?

— Не знаю.

— Море провинилось?

Не улыбнулся. Сказал:

— Раньше я всё время думал, что потом будет лучше. Не вообще в мире. У меня. Что я что-то пойму, что-то исправлю, кого-то прощу, перед кем-то извинюсь. В какой-то момент всё встанет на место.

— А теперь?

Он долго тёр ладонью обложку тетради.

— Теперь иногда хочется обратно.

— Куда?

— Не знаю. В любой день, когда я ещё думал, что впереди есть место, где станет легче.

Он посмотрел на меня. Я отложил ручку.

— Самое смешное, что тогда мне тоже было плохо.

— Это не смешно.

— Поэтому и смешное.

Потом рассказал сон. Я его сюда не запишу. Когда он ушёл, ещё некоторое время держал ручку над пустой строкой.

9 февраля 2027 года

Она сегодня принесла распечатку какого-то конкурса. Хочет поехать на север снимать заброшенные посёлки.

— Зачем?

— Потому что хочу.

Я ждал продолжения. Его не было. Потом она всё-таки объяснила: ей надоели фотографии, которые должны кому-то понравиться. Хочет неделю снимать то, что никто не заказывал, не согласовывал и не будет вешать над стойкой регистрации.

— И что там снимать?

— Не знаю. Поэтому и хочу.

Сказала, что если получится, поедет одна. Я спросил:

— А я?

Она посмотрела на меня.

— А ты что?

Вопрос был нормальный. Ответа у меня не было. Она сложила распечатку вчетверо и положила в карман. Вечером я нашёл на столе маленький кусок красного стекла, обкатанный водой.

— Это что?

— Тебе.

— Почему?

— Красивый.

Вот и всё. До сих пор лежит у меня в ящике.

12 февраля 2027 года

Она спросила, можно ли посмотреть тетрадь. Сказал:

— Нет.

Слишком резко.

— Хорошо.

И всё. Потом весь вечер хотелось объяснить. Не объяснил.

У каждого человека должна быть территория, куда не пускают любимых. Проблема начинается, когда сам проводишь там больше времени, чем с ними.

13 февраля 2027 года

Она спросила:

— Ты помнишь, когда мы последний раз куда-нибудь ходили вдвоём?

Я назвал выставку. Она сказала:

— Это было в августе.

Я начал вспоминать бар, кино, чьи-то дни рождения.

— Не надо, — сказала она. — Я не экзамен устраиваю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хотела понять, заметил ли ты.

— Что?

Она посмотрела на меня.

— Вот это.

Провела рукой между нами. Ничего там, разумеется, не

было. Я сказал:

— Давай завтра куда-нибудь пойдём.

Она улыбнулась.

— Завтра у тебя Рассказчик.

— Отменю.

— Не отменишь.

— Отменю.

14 февраля 2027 года

Всё-таки пошёл к Рассказчику — сказать, что сегодня слушать не буду. Его не было. Впервые за долгое время мы с Олей собирались куда-нибудь вдвоём. Я написал ей: «Задержусь на час». Через два часа пришло: «Не торопись». Я прочитал это как разрешение и остался ждать. Блокнот у меня. Позвонил. Не ответил. Через час пришло: «Завтра». Я знаю, как он пишет, как морщит лоб, когда вспоминает, как долго молчит перед некоторыми фразами. Но я не знаю, где он живёт. В переписке одни часы и короткие «буду».

18 февраля 2027 года

У друга день рождения. Пошёл. Люди спорили, куда ехать летом, кто сколько переплатил за ремонт, какой врач хороший. Я почти не говорил.

— Ты чего такой тихий?

— Слушаю.

— Тебя?

Хороший человек. Всё ещё помнит, что это для меня нетипично. Домой вернулся поздно. Первое, что сделал, —

проверил маленький блокнот возле кровати. Второе — разозлился, что проверил. Друг написал: «Ты там?» Ответил: «Здесь». Через минуту пришло:

«Где здесь?»

Написал: «Дома». Он позвонил. Не взял. Через пять минут перезвонил сам. Иногда близость — это очень плохо организованная система связи.

20 февраля 2027 года

Сегодня она сказала, что ей предложили работу в Петербурге. Не перевод. Новую. Она знала две недели.

— Почему не сказала?

— Потому что знала, что ты спросишь, что я решила.

— А ты решила?

— Нет.

— Ну вот.

— Вот именно.

Я не понял. Она ходила по комнате, собирала волосы резинкой, снова распускала.

— Я хочу туда, — сказала она. — Наверное.

— Езжай.

Она остановилась.

— И всё?

— А что я должен сказать?

— Ничего.

— Тогда почему «и всё»?

— Потому что иногда хочется, чтобы человек хотя бы сде-

лал вид, что ему не всё равно, где ты будешь жить.

Разозлился.

— Ты две недели не говорила мне про работу, а теперь проверяешь правильность реакции?

— Я не проверяю.

— Проверяешь.

— Хорошо. Проверяю.

— Отлично.

Очень взрослый разговор. Потом она сказала:

— Ты всё время говоришь, что отношения должны быть простыми. Как две копейки. Никаких сложностей, никаких «мне надо подумать», никаких драм.

Я посмотрел. Не помню, говорил ли ей именно так. Мог.

— И?

— А жизнь сложная. Я сложная. Ты вообще катастрофа с коммунальными платежами. Простыми бывают только отношения, в которых никто никуда не двигается.

— Очень удобная теория.

— Да при чём тут теория?

Она ударила ладонью по столу.

— Я хочу работу. Я хочу снимать. Я хочу иногда уехать на неделю и не думать, что ты за это время окончательно переселишься в чужую тетрадь. Я хочу, чтобы ты спросил, чего хочу я, а не только насколько это нарушит твоё расписание.

Я сказал:

— Чего ты хочешь?

Она посмотрела на меня долго.

— Поздно.

Вот это слово запомнил.

22 февраля 2027 года

В метро напротив сидел мальчик и очень внимательно смотрел на меня. Потом спросил мать:

— Мам, а почему дядя грустный?

Мать покраснела и сказала, что дядя не грустный, дядя просто устал. Спасибо, незнакомая женщина. Мне подходит. Усталость вообще социально удобнее большинства правд.

24 февраля 2027 года

Пришла поздно. Сказала, была с подругой. Обычная фраза. Почему-то спросил:

— С какой?

Она назвала имя. Я знаю это имя. Всё нормально. Записываю потому, что почему-то захотелось записать.

1 марта 2027 года

Я сегодня окончательно понял, что заплутал сам в себе. Красивее было бы написать: «поиск обратной дороги в условиях тотальной тьмы невозможен». Но правда в том, что никакой тотальной тьмы нет. Есть работа, магазин, знакомые, сообщения, грязная чашка возле компьютера. Всё освещено. И именно поэтому странно. Когда человек теряется в лесу, ему хотя бы понятно, что он потерялся. А если маршруты на месте, указатели на месте, город тот же, жизнь та же — и только ты почему-то не понимаешь, куда идёшь? Можно

обвинить весну. Удобно. Я вообще люблю времена года за то, что на них можно списывать психику.

Друг вытащил меня в бар. Договорились не обсуждать работу. Через двадцать минут обсуждали его работу. Через сорок — мою. Через час — цены на коммуналку. Так выглядит свобода взрослого человека.

2 марта 2027 года

Она уехала на неделю снимать какой-то старый санаторий. Я остался. Перед отъездом спросила:

— Поедешь?

— Мне работать.

— Отпроситься нельзя?

— Мне надо закончить.

Не уточнила что. Я действительно собирался закончить переписывать несколько страниц. Когда дверь закрылась, понял, что мог поехать. Потом подумал, что ещё не поздно. Потом не поехал. Вечером прислала фотографию: длинный коридор, облупленная зелёная стена, в конце открытая дверь и море. Написала: «Тебе бы понравилось». Ответил: «Красиво». Она поставила сердечко. Ненавижу сердечки. Они позволяют человеку ответить на то, на что у него нет ответа.

3 марта 2027 года

Утром сломался кран. Не символически. Просто кран. Вода текла под раковину, я матерился, искал сантехника и внезапно испытал почти счастье. Вот проблема. Вот вода. Вот гайка. Вот человек, который придёт и починит. Никаких

трактовок. Никакой памяти. Сантехник заменил прокладку и взял денег. Я смотрел ему вслед с уважением. Человек восстанавливает реальность разводным ключом.

4 марта 2027 года

Мы в двух разных мирах. Ты где-то далеко, ходишь возле моря, а у меня ливень. Оль, я хочу взять твою руку и сказать, что с тобой всё ещё может быть хорошо. Уже написал про солнце, которое откажется светить, и море, которое поглотит горы. Стереть жалко. Отправить невозможно.

Всё-таки записываю так. Не ей, себе. Здесь можно быть чрезмерным. Только нельзя потом предъявлять человеку счёт за величие, которым его сам же наделил.

6 марта 2027 года

Друг сегодня рассказал, почему терпеть не может март. Я ожидал обычное: грязь, снег, ветер. Оказалось, в марте умер его дед. Я знал, что дед умер. Не знал когда.

— Ты с ним был близок?

— Нормально.

У друга вообще всё важное сначала называется «нормально». Потом рассказал, как дед учил его паять. Как запрещал трогать отвёртки, а потом подарил целый набор. Как последние годы звонил по воскресеньям ровно в девять утра, и друг иногда не брал трубку, потому что хотел спать.

— Теперь каждое воскресенье в девять просыпаюсь сам. Чёрт.

Я ничего не сказал. Он тоже. Сидели на кухне. Чай остыл.

Через некоторое время он спросил:

— У тебя хлеб есть?

Не было. Сходили за хлебом. Мне нравится, что некоторые разговоры заканчиваются именно так.

8 марта 2027 года

Семейный ужин. Мне положили еды так, будто последние полгода я провёл в экспедиции. Про работу — нормально. Про личную жизнь — нормально. Про здоровье — нормально. Удивительно ёмкое слово. В него помещается почти всё, что не хочется обсуждать. Потом мать сказала:

— Ты похудел.

Я ответил, что ей кажется. Она просто положила ещё картошки. Некоторые формы любви не нуждаются в доказательствах. Им достаточно тарелки. За семейным столом отец снова рассказал историю, которую я слышал раз двадцать. На этот раз в ней была другая машина. Раньше точно была другая. Хотел поправить. Не стал. Если память всё равно редактирует нас без согласования, пусть хотя бы делает это за ужином.

11 марта 2027 года

Вернулась позавчера. Привезла камень. Обычный серый камень с пляжа.

— Зачем?

— Тебе.

— Спасибо.

— Ты даже не спросишь, почему именно этот?

— Почему именно этот?

— Теперь уже неинтересно.

Положила его на стол возле тетрадей. Он там до сих пор. Сегодня заметил, что дважды переставлял его, потому что мешает открывать Большой блокнот.

14 марта 2027 года

Начал различать ночи. Есть обычные, после которых утром остаётся мусор: лица, лестницы, работа, какая-то собака, почему-то умеющая водить автобус. А есть другие. После них просыпаешься не отдохнувшим и не уставшим. Вернувшимся. Вечером хотелось выйти куда-нибудь. Не в бар. Не к друзьям. Просто наружу. Потом представил улицу, людей, разговоры, необходимость куда-то идти — и остался дома.

17 марта 2027 года

Мать сегодня сказала:

— Я устала.

Просто так. Не от меня. Не от отца. Не от конкретного дня. Я спросил:

— От чего?

Она пожала плечами.

— Да так.

Очень семейный способ отвечать на вопросы. Потом начала чистить картошку. Я хотел спросить ещё раз. Не спросил. Сел напротив. Она чистила медленно. Кожура падала в раковину длинными лентами. Раньше она делала это быст-

рее. Или мне кажется.

— Помочь?

— Сиди.

Посидел. Через минуту она спросила:

— Ты ел?

Вот тут всё снова стало на свои места. По крайней мере на вечер.

18 марта 2027 года

Есть странная роскошь — не объяснять себе собственное состояние. Сегодня позволил. Не искал причину. Не проверял, достаточно ли спал. Не вспоминал, кто что сказал. Не диагностировал стресс, выгорание, одиночество и дефицит витамина D. Просто было плохо. Потом стало лучше. Рассказчик умеет молчать рядом с тем, что не понимает. Кажется, я учусь у него худшему и лучшему одновременно.

Вечером Оля рассказывала о съёмке. Я опять спросил, кто ещё ездил с ней. Она сказала:

— Ты мне не доверяешь.

Ответил:

— Доверяю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Не нашёл хорошего ответа. Плохих было много.

20 марта 2027 года

Друг прислал фотографию старой компании. Лето. Мы моложе. У кого-то длиннее волосы, у кого-то тоньше лицо, у всех меньше причин не ехать куда-то ночью. Я долго искал

себя. Нашёл не сразу. Странное ощущение: узнаёшь человека мгновенно и при этом совершенно не понимаешь, как он оказался тобой. Сохранил фотографию. Как будто она могла исчезнуть.

Стоматолог спросил, не скриплю ли я зубами во сне. Сказал, что не знаю. Он ответил:

— Обычно человек сам не знает.

Очень неудачная формулировка. Попросил больше так не говорить. Он решил, что я шучу.

21 марта 2027 года

Снова был у врача. На этот раз принёс записи о том, сколько спал. Несколько дней пропущено: вечером не вспомнил, утром забыл проверить. Она спросила, выполняю ли то, о чём договорились. Я начал рассказывать, как чувствую себя после чтения. Она выслушала и повторила вопрос. Дома поставил будильник на вечер. Он прозвонил, когда я был в середине страницы. Закончил страницу, потом следующую. Костя позвонил в одиннадцать и спросил, сплю ли я. Сказал: «Сейчас лягу». На этот раз лёг.

23 марта 2027 года

Рассказчик спросил:

— Зачем ты продолжаешь?

Я хотел ответить: потому что интересно. Не ответил. Он не переспросил.

24 марта 2027 года

На заметку: я скверно выгляжу не с похмелья, а с детства.

Полночи играл в шахматы и пил самогонку. Один. Утром лежишь, а хочется лежать ещё сильнее. Белые и чёрные — враги, а тот, кто двигал и тех и других, опять не помнит, на чьей стороне был. Я надоел себе. Очень хочется решить всё индийским танцем.

Сверил вчерашнюю партию с записью и обнаружил коня не на том поле. Сначала решил, что это Костя когда-то переставил фигуру, убирая стол. Потом вспомнил, что вчера расставлял сам. Требую от памяти невозможного, а потом подозреваю, что меня обманывают.

26 марта 2027 года

Ночью проснулся. Её не было рядом. Свет на кухне. Она сидела с телефоном. Увидела меня и сразу положила экраном вниз. Вот это «сразу» всё испортило.

— Не спится, — сказала она.

Я стоял в дверях.

— Кому пишешь?

Она посмотрела на меня.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Коллеге.

— В два ночи?

— Да.

— Тому, который ездил с вами?

Пауза была короткой. Достаточно.

— Да.

Я кивнул. Вернулся в кровать. Она пришла минут через десять. Легла на край. Между нами было сантиметров сорок. Удивительно, сколько туда помещается. Работа в Петербурге. Санаторий. Большой блокнот. Её телефон. Моё недоверие. Её право на личную жизнь. Моё право не быть идиотом. И ещё два человека, которые лежат рядом и очень стараются не двигаться. До утра не спал. Впервые за долгое время мне было совершенно плевать, приснится ли что-нибудь.

27 марта 2027 года

Он говорил долго. Я не знаю сколько. Часы стояли передо мной, но в какой-то момент перестал смотреть. Записал всё. Здесь повторять не буду. Дома пошёл на кухню и минут пять искал чайник. Он стоял на обычном месте.

А утром на работе было совещание. Услышал: «Нам нужно синхронизировать понимание дальнейшего движения». Полгода назад носил бы эту фразу как трофей. Сегодня записал в блокнот и только вечером понял, что записал её туда же, куда ночные слова. Вырвал страницу. Потом достал из корзины. Потом снова выбросил. Прекрасный продуктивный день.

29 марта 2027 года

Сегодня специально не открывал тетради. Помыл ванную. Постирал. Сходил в магазин. Позвонил матери. Вечером почувствовал гордость, как человек, который не пил целые сутки. Сравнение не понравилось.

1 апреля 2027 года

Утром нашёл в маленьком блокноте четыре строки. По-черк мой. Не помню, когда писал. Положил блокнот в ящик и ушёл на работу. Вечером первым делом открыл ящик. Вот это уже хуже.

2 апреля 2027 года

Сегодня Рассказчик пришёл без тетради. Я заметил сразу.

— Где?

— Дома.

— Забыл?

— Нет.

— А что случилось?

— Ничего.

Он был очень уставший. Не «не выспался». Как будто несколько дней таскал что-то тяжёлое. Сидели минут двадцать. Потом он сказал:

— Я сегодня не хочу ничего помнить.

Не «рассказывать». Помнить. Я спросил, может, пойдём выпьем. Пошли. В баре он оказался человеком, который после второй рюмки начинает спорить о музыке, а после третьей утверждает, что умеет играть на гитаре.

— Умеешь?

— Три аккорда.

— Это не умеешь.

— Для русского рока достаточно.

Засмеялся. Через час стало почти нормально. Потом в туалете его вырвало. Я держал дверь кабинки, потому что

замок не работал. Потом купил воды, подождал с ним такси. Никакой истории на вечер он мне не оставил, и я впервые не пожалел.

5 апреля 2027 года

Перечитал ночную запись. Самое неприятное — она хорошо написана. Если бы там была бессмыслица, было бы проще. Закрыв блокнот. Через десять минут открыл снова. Рассказчик снова пришёл с тетрадью. Про бар не вспоминали.

6 апреля 2027 года

Купил упаковку одинаковых ручек. Десять штук. Раньше выбирал: эта пишет тоньше, эта удобнее, у этой цвет нормальный. Теперь всё равно. Главное, чтобы не кончалась посреди записи. Когда-то я покупал хорошие ручки, потому что любил писать. Теперь покупаю много.

9 апреля 2027 года

Друг снова заехал. Помыл мою тарелку, открыл окно и двадцать минут рассказывал, как сосед затопил квартиру. Я слушал. Ни одного сна. Ни одной памяти. Ни одной формулировки. Когда ушёл, окно оставил открытым.

10 апреля 2027 года

Рассказчик стал говорить меньше. Теперь чаще отдаёт блокнот. Я спросил:

— Ты устал?

— Да.

— От снов?

Он долго молчал.

— От возвращения.

Я не стал спрашивать куда.

12 апреля 2027 года

Рассказчик спросил:

— Ты когда-нибудь говорил человеку то, что сам не соби-
рался говорить?

— Постоянно. Обычно после третьего бокала.

— Нет. Трезвым.

Подумал.

— Наверное.

Он кивнул.

— И что?

— Ничего. Просто спросил.

Ненавижу его «просто».

14 апреля 2027 года

Позвонила мать.

— Ты куда пропал?

— Никуда.

— Это не ответ.

— Тогда дома.

— Это тоже не ответ.

У матерей отдельная логика, в которой географические координаты не считаются доказательством существования. Пообещал приехать. Записал в календарь. Потом зачем-то — в маленький блокнот. Стёр. Записал снова.

15 апреля 2027 года

Она оставила телефон в ванной. Он завибрировал. Я не посмотрел. Стоял в коридоре и гордился собой. Потом понял, насколько жалко выглядит человек, который считает нравственным достижением то, что не прочитал чужое сообщение.

17 апреля 2027 года

С работы попросили объяснить, почему два заказа неделю стояли без движения. Я открыл таблицу и увидел, что оставил их незаконченными. Не чужая воля, не туман, не скрытый знак. Мой логин, моя последняя правка, пустая ячейка.

Предложили взять несколько дней, потом решить, как работать дальше. Я услышал только «не справляешься» и начал спорить. Дома проверил таблицу ещё раз. Спорить было не с чем.

19 апреля 2027 года

На работе сегодня увольнялась женщина из соседнего отдела. Мы почти не общались. Знал, как её зовут, где сидит и что она всегда приносит мандарины раньше сезона. Она ходила по кабинетам с коробкой своих вещей. Не киношной. Обычная коробка из-под бумаги. Кружка. Зарядка. Какой-то кактус. Папка. Пакет конфет, который она поставила на общий стол. Все говорили: «Ну, не пропадай». Она всем отвечала: «Конечно». Я тоже сказал. Она тоже ответила. Потом лифт закрылся. Через десять минут кто-то спросил, кому теперь достанется её монитор. Я сидел и смотрел на пустой стол через стеклянную перегородку.

Утром через эту перегородку я видел, как она чистит мандарин. Теперь кто-то уже крутил подставку её монитора, проверяя, получится ли снять.

22 апреля 2027 года

Она снова прочитала дневник. На этот раз специально. Я понял потому, что закладка лежала не там. Спросил. Не отрицала.

— Зачем?

— Хотела понять, что с тобой происходит.

— Можно было спросить.

Она засмеялась. Не весело.

— Я спрашиваю полгода.

— И поэтому можно читать чужое?

— Нет.

— Тогда всё.

— Нет, не всё.

Она достала дневник из ящика.

— Знаешь, что здесь самое страшное?

— Что ты опять его прочитала?

— Что здесь я есть.

— Поздравляю.

— Нет. Здесь я есть больше, чем у тебя со мной.

Я молчал. Она листала.

— Вот выставка. Вот отец. Вот работа. Вот наша ссора. Вот как я плакала. Вот что я сказала. Вот какую чашку купила. Ты всё сохранил.

— И это плохо?

— Ты сохранил. Но не был там.

— Я был.

— Физически.

— А ты, значит, эксперт?

Она закрыла дневник.

— Ты хочешь знать, почему я иногда не говорю тебе вещи?

— Очень.

— Потому что я заранее представляю, как ты потом их запишешь.

Это было настолько нелепо, что я сначала не понял.

— Что?

— Я иногда разговариваю с тобой и думаю: это попадёт в дневник или нет? Я злюсь и думаю, как ты сформулируешь. Я плачу и думаю, заметишь ли ты, что я плачу, или заметишь красивую деталь рядом.

— Это уже твоя проблема.

Сказал и сразу понял. Она тоже. Ничего не ответила. Просто положила дневник на стол. Потом очень спокойно сказала:

— Да. Теперь уже моя.

Ушла. Вернулась ночью. Я не спросил, где была. Это тоже было решением.

24 апреля 2027 года

Открыл глаза и не понимаю: задремал на десять минут

или уже утро. Mac Miller «Hurt Feelings». Оказалось, утро. Нужны кофе и курсы «как перестать морально избивать людей, которых ценишь». И откуда дома такой бардак, если я всё время лежу с телефоном и больше ничего не делаю?

Вчера Оля сказала, что нельзя всё время смеяться над собственной жестокостью, как будто от этого она перестаёт быть жестокостью. Я ответил резко. Потом долго и складно объяснял, почему ответил резко. Сам ответ так и не забрал обратно.

28 апреля 2027 года

Сегодня случайно назвал его блокнот «нашим». Он услышал. Ничего не сказал. Я тоже.

30 апреля 2027 года

Сказала, что ей нужно побыть одной. Спросил:

— От меня?

— Вообще.

Ненавижу слово «вообще». В нём всегда слишком много конкретного.

3 мая 2027 года

Утром купил кофе у метро. Бариста запомнил заказ. Я самого бариста не помню. Сказал: «Как обычно». Получил именно то, что хотел. Немного пугает, как много нашей личности хранится у посторонних.

10 мая 2027 года

Три дня не виделись. Сегодня пришла. Принесла свою зубную щётку из ванной в комнату, положила на стол. Я

спросил:

— Это что?

Она сказала:

— Не знаю.

Мы оба знали.

16 мая 2027 года

Мы сидели на той самой скамье, где я впервые его заметил. Почти год.

— Жалеешь, что подошёл?

— Пока нет.

Он улыбнулся. Опять это «пока». Кажется, некоторые слова заражаются от людей.

20 мая 2027 года

Сегодня она сказала правду. Сначала ту часть, которую удобно назвать правдой. Есть другой человек. Коллега. Тот самый. С санатория. Я спросил:

— С какого момента?

Она сказала:

— Не знаю.

— Это невозможно не знать.

— Возможно.

— Вы спали?

— Да.

Вот здесь почему-то стало легче. До этого ещё существовало пространство для толкований. Эмоциональная близость. Переписка. Ошибка. Сложный период. Работа. Мер-

курий в ретрограде. Теперь был глагол. Простой. Человеческий. Я спросил сколько раз. Она сказала:

— Какая разница?

Я посмотрел на неё. Несколько месяцев она решала за меня, какую правду я могу знать. Теперь предлагала забыть о разнице. Она сказала:

— Я не хотела, чтобы так.

— А как хотела?

— Не знаю.

— Удобно.

— Да, удобно.

Села напротив. Не плакала. Это раздражало. Потом подумал, что если бы плакала, раздражало бы тоже.

— Ты его любишь?

— Не знаю.

— Меня?

Она закрыла глаза.

— Люблю.

Я засмеялся. Вот тут она впервые разозлилась.

— Не смей.

— Что?

— Делать из этого шутку.

— Из чего? Из любви? Очень подходящий материал.

— Я тебя люблю.

— И спишь с другим.

— Да.

— Отличная система.

— Да, паршивая система.

Мы замолчали. Потом она сказала:

— Ты хочешь, чтобы я сказала, что это из-за тебя?

— Нет.

— А я скажу, что не из-за тебя. Я это сделала. Я врала. Я приходила сюда после него. Я смотрела тебе в лицо. Это моё.

Я не ожидал. Было бы проще, если бы она начала перечислять Большой блокнот, моё отсутствие, дневник, невнимательность. Тогда можно было бы защищаться. Она не дала.

— Но, — сказала она, — я была одна рядом с тобой очень долго.

Вот. Всё-таки дала.

— Какая удобная конструкция.

— Это не оправдание.

— Звучит как оно.

— Потому что ты слышишь только оправдания и обвинения. Я пытаюсь объяснить.

— Мне не нужно объяснение.

— Конечно. Тебе нужна формулировка.

Я встал. Она тоже.

— Уходи.

— Хорошо.

У двери остановилась.

— Ты когда-нибудь замечал, что про людей тебе легче писать после того, как они уходят?

Не ответил. Она ушла. Я сел на кухне. Справа от раковины стояла её чашка. Не разбил. Не выбросил. Налил водки. Выпил. Потом ещё. Через какое-то время обнаружил, что пишу. Перестал.

21 мая 2027 года

Не спал. Не из-за снов. Спасибо хотя бы за разнообразие.

22 мая 2027 года

Друг сказал, что летом надо куда-нибудь уехать.

— Куда?

— Неважно.

Раньше это слово означало свободу. Теперь раздражает. Мне почему-то всё время важно куда.

23 мая 2027 года

Друг приехал. Я рассказал. Он сказал:

— Кошмар.

Очень точная редактура. Потом спросил, что буду делать. Сказал:

— Ничего.

Он открыл холодильник.

— Тогда сначала поешь.

24 мая 2027 года

Я хочу, чтобы со мной говорили прямо. Не хотят видеть — пусть скажут. Скучают — тоже. Я написал об этом целую страницу, будто выдаю разрешение на правду. Наверное, на самом деле требую, чтобы она прозвучала раньше. До того, как я начал задавать вопросы, от которых уже невозможно

отделаться.

Ответ я получил. Теперь надо не звонить ей ещё раз с тем же вопросом, надеясь, что она наконец ответит иначе.

25 мая 2027 года

Я сам себя изо дня в день заставляю гореть, бросая факелы пылающих мыслей в извилины воспалённого разума. Из аморальности грязи моих желаний в мир прорастают цветы разочарований, бутонами пустоты распускаются, ароматом ненависти слышны.

Груз прожитых лет стволом пистолета упирается в грудь. Я строю себя для тебя из чужих костей, кровь превращая в глину. Мне говорят, что я вечно кому-то чего-то должен, но ведь древние греки учили, что человек более чем сложен. Вроде бы...

Я сам себя переживу, перегнию в твоей памяти, имя твоё сожгу на холодных ветрах Севера. Переболею излом нравственности, догадаюсь, что любовь не может быть противопоставлением ненависти. Слова благодарности для сердца искалеченного, которое в очередной раз черствее станет и сможет теперь дальше жить. И я знаю — такой человек выше станет. И, может быть, крохи тепла однажды рассыплются весенним дождём, и то, что сгорело дотла, восстанет в нём.

Всегда жизнью других себя наполняя, уже не капитан своего корабля. Всегда что-то доброе творя и прощая, мы движемся в сторону скал через ненависти моря. Не каждому из нас на том берегу живым суждено быть. Не каждый сможет

туда доплыть, сквозь бури, шторма и грозы своих судеб. Но всё может быть...

Написано раньше, а сегодня прочиталось буквально: «жизнью других себя наполняя». Не вычёркиваю ни корабль, ни цветы. Мне тогда было нужно говорить именно так. Сейчас просто устал. Не могу объяснить усталость красиво и не хочу.

27 мая 2027 года

Пришла за вещами. Два пакета и рюкзак. Собирала быстро. Без инвентаризации нашей любви. На столе остался серый камень, который она привезла с моря.

— Камень?

— Оставь.

— Ты мне его подарила.

— Поэтому и оставь.

У двери сказала:

— Я всё время думала, что однажды ты вернёшься.

— Я никуда не уходил.

Посмотрела устало.

— Вот именно.

Ушла. Через минуту вернулась. Я почему-то подумал: всё.

— Фотоаппарат забыла.

Забрала и ушла снова. Спасибо жизни за плохое чувство композиции. Про Петербург не спросил. Костя потом сказал, что она всё-таки приняла предложение. Не знаю, от неё узнал или от общих знакомых. Не стал выяснять.

28 мая 2027 года

Три дня ничего не записывал ночью. Работал. Встретился с друзьями. Выпил больше, чем собирался. На следующий день страдал исключительно по физиологическим причинам. Прекрасное чувство. Похмелье хотя бы не пытается быть метафорой.

31 мая 2027 года

Ездили за город. Шашлык, комары, музыка из телефона. Друг уснул в кресле с пластиковым стаканом на животе. Сфотографировал. Он проснулся и потребовал удалить. Не удалил. Весь день не думал о тетрадах. Кажется.

1 июня 2027 года

В старых заметках я уже двукратный мировой чемпион по цинизму, не верящий в извинения и обещания больше уже никогда. Дата стоит. Задолго до Оли. Текст чемпиона. Вот мой титул, вот мои регалии, вот я сижу и вздрагиваю от каждого звука в подъезде. Десять лет обшивал себя остроумием, а молния оказалась снаружи.

3 июня 2027 года

Не пошёл на работу. Весь день переписывал. Вечером заметил, что в старой странице исправил запятую. Вернул обратно. Если начну редактировать, перестану понимать, что сохраняю: его память или свой текст. Оставил ошибку.

5 июня 2027 года

Друг пришёл вечером. Я был уже пьян, но ещё в той стадии, когда человек считает себя просто более искренним.

Рассказал ему всё ещё раз. Он слушал. Потом спросил:

— Ты её ненавидишь?

— Да.

— Врёшь.

— Хорошо. Не знаю.

Он открыл холодильник.

— У тебя есть сосиски.

— Поздравляю.

— Будешь?

— Нет.

Через десять минут ел сосиски. Хотелось написать три страницы о предательстве, свободе выбора и фундаментальном одиночестве. Костя поставил рядом стакан воды. Я начал первую фразу, он спросил, давать ли ещё хлеб. Потом убрал тарелки. Я лёг под одеяло и услышал, как он моет сковородку. Минут через двадцать стало легче. Он всё ещё был на кухне. Попросил не уходить пока.

7 июня 2027 года

Написала: «Прости». Смотрел минут десять. Ответил: «Хорошо». Она написала: «Что хорошо?» Не ответил. Ничего хорошего.

9 июня 2027 года

Меня размазало из-за рулона туалетной бумаги. На картонном цилиндре написано: «Просто смойте меня в унитаз». Вы вслушайтесь. Весь Чехов с маленьким человеком, весь Достоевский, весь Паланик — ребята из раннего «Ласкового

мая» рядом с этой фразой. Пять слов, а человек уже признал собственную ничтожность и попросил прекратить существование. Если доживу до старости, так назову автобиографию.

Смеялся, перечитывая. По-настоящему. Минут через пять понял, что смеюсь один, и почему-то стало неловко. Хотя всю жизнь именно этого и добивался: чтобы не мешали.

16 июня 2027 года

Неважно, почему всё значительное стало незначительным. Стало, и всё тут. Очень хочется теперь объявить любовь абстрактной, красоту субъективной, пустоту абсолютной — и уйти за вином, пока никто не попросил объяснить. Один из моих недугов — клаустрофобия: иду в винный магазин и боюсь, что он уже или ещё закрыт. Так хотя бы понятно, чего именно я боюсь. Винишко по акции.

18 июня 2027 года

Встретил её случайно. Она сказала:

— Ты похудел.

Я сказал:

— Ты тоже.

Она не похудела. Иногда ложь нужна исключительно для симметрии.

21 июня 2027 года

Самый длинный день. Я почти не заметил. Раньше времена года были способом измерять жизнь. Теперь календарь приходится проверять. Рассказчик сказал:

— Тебе надо отдохнуть.

Я рассмеялся. Это примерно как если бы пожар посоветовал тебе меньше нервничать.

24 июня 2027 года

Сегодня он замолчал раньше обычного. Я ждал продолжения. Его не было.

— Всё?

— На сегодня.

Мне хотелось возразить: я ещё мог слушать.

Костя позвонил и спросил, почему я снова пропал.

— Работы много.

— Врёшь.

— Немного.

Он сказал:

— Ладно.

Раньше меня раздражало, когда люди не требуют объяснений. Теперь благодарен.

25 июня 2027 года

Сегодня он сказал:

— Если бы можно было вернуться, я бы ничего не исправлял.

— Очень мудро.

— Нет. Я бы просто ещё раз там побыл.

— Где?

Он пожал плечами.

— На кухне у матери. В старой квартире. Летом у сестры. В очереди за билетами. В автобусе. Где угодно.

— Даже в очереди?

— Особенно в очереди. Тогда я не знал, что это закончится.

Сказал и замолчал. Раньше его будущее было местом, где он станет лучше. Теперь прошлое стало местом, где ещё не наступило настоящее. Я это записал. Потом перечитал и хотел зачеркнуть последнюю фразу. Слишком хорошо звучит. Оставил факты. Он хотел обратно. Не исправлять. Побывать.

1 июля 2027 года

Чашка всё ещё справа от раковины. Сегодня выпил из неё кофе. Ничего не произошло. Хорошая чашка.

8 июля 2027 года

Вечером встретил Рассказчика. Он выглядел лучше меня. Сказал ему.

— Это ненадолго.

— Умеешь поддержать.

— Учусь.

Мы засмеялись оба. Потом он рассказал. Я слушал. Телефон разрядился, и я заметил только дома.

12 июля 2027 года

Друг всё-таки вытащил меня в бар. Сказал:

— Ты скоро забудешь, как люди выглядят.

Я ответил, что преувеличивает. Он подозвал официанта и спросил:

— Вот это кто?

— Отстань.

— Видишь. Узнавание сохранено.

Посидели часа два. Я почти не думал о записях. Почти. Это слово портит всё. Понял, что несколько дней о ней не думал. Сразу подумал. Очень плохо устроенная система.

18 июля 2027 года

Сегодня он спросил:

— Если я перестану приходить, ты продолжишь?

— Что?

— Писать.

Я ответил слишком быстро:

— Да.

Он кивнул. Только дома понял, что он не спросил «переписывать».

Вечером Костя сказал:

— Ты в последнее время как будто всё время где-то ещё.

Я предложил поговорить о чём-нибудь другом. Он согласился.

20 июля 2027 года

Пересматривал записи. Не читал. Просто перелистывал. Толщина стопки уже смешная. Если поставить рядом мои собственные записи за тот же год, они выглядят как приложение к чужой жизни. Закрыл шкаф. Через десять минут открыл снова. Проверил, на месте ли. На месте.

22 июля 2027 года

Рассчитывал к своему возрасту быть поумнее, побогаче и покрасивее. Странствовать по миру, пить эль, в свободное

время поглаживать лошадку. Сегодня видел бабочку-капустницу и раздавленную кошку. О своей жизни писать почти нечего.

Отпуск согласовали: две недели в августе. План был куда-нибудь поехать. Теперь думаю, можно ли считать местом назначения человека, который появляется в сквере каждый вечер.

24 июля 2027 года

На одной из последних заполненных страниц зелёного блокнота есть пробел. Не вырванный лист, а пустое место в середине абзаца. Я знал, что там должно быть. Не слово — жест. Мальчик стоит и слушает, а потом поднимает голову.

Написал это в своей копии. Посмотрел и сразу обвёл скобками. Дописал: «Это моё». Теперь на странице есть очень уверенное указание, кому принадлежит то, в чём я совершенно не уверен.

Часть IV

Бодрствование

25 июля 2027 года

В офисе попросили назвать планы на август. Я сказал: — Дожить.

Все засмеялись. Я тоже. Хорошая шутка. Наверное.

27 июля 2027 года

Рассказчик не пришёл. Телефон выключен. Не страшно. У людей бывает жизнь.

30 июля 2027 года

Не пришёл. Телефон выключен. Большой блокнот у меня.

31 июля 2027 года

Пятый день. Просидел на скамье до темноты. Никого.

2 августа 2027 года

Сегодня впервые поехал искать. Адреса нет. Фамилии нет. Имя есть. Оказалось, имени недостаточно, чтобы найти человека. Мы удивительно мало знаем о тех, кого считаем знакомыми. Расспросил в кафе. Девушка помнит, что я сидел у окна. Два чая, да. Мужчину не помнит. Другие смены, много посетителей. Нормальный ответ, из которого я сразу попытался сделать ненормальный вывод. В телефоне есть фотографии страниц. И номер телефона, и переписка тоже есть. Костя сохранил снимки, пока я искал тот, где виден край чужой руки.

Костя предложил помочь искать человека. Попросил описать. Я рассказал про руки, пальто, пакет. Спросил возраст. Не смог ответить толком. Сказал: «Усталый». Возраст, понимаете, усталый.

4 августа 2027 года

Костя был со мной в сквере. Стоял рядом, пока я объяснял, где именно он сидел, куда клал пакет, с какой стороны падал свет. Спрашивал о приметах, об особенных словах, о чём-нибудь, что помогло бы искать. Я рассказал про лестницу, про голоса, про квартиру с заклеенным окном. Он сказал: «Я про человека». На обратном пути мы зашли в кафе.

Женщина за стойкой помнит блокнот. Зелёный, говорит. У вас же всё время этот зелёный. Сказал, что мой синий. Она пожала плечами. Не обязана она помнить обложки.

Костя помог составить заявление о пропаже. Пришлось перечислить всё, что знаю, и всё, чего не знаю. Последнего оказалось больше. Оставили мой номер. Я теперь отвечаю даже тем, кто предлагает кредит.

5 августа 2027 года

Начал удалять переписку с Олей. Не всю. Остановился примерно на середине. Там мы ещё нормальные. Пусть по-лежат.

7 августа 2027 года

Первая неделя отпуска. Я никуда не поехал. Коллеги спрашивают фотографии. Отправил снимок чашки на подоконнике. Один написал: «Красиво. Где это?» Ответил: «Кухня». Он поставил огонёк. Мир окончательно победил.

9 августа 2027 года

Сегодня понял, откуда берутся мои идиотские советы незнакомым людям. Наверное. В метро мужчина сбросил звонок. На экране успел увидеть: «Мама». Через минуту снова. Он снова сбросил. И у меня внутри уже готово было: возьми. После расставания с Олей я перечитал несколько старых записей и обнаружил мерзкую способность видеть конец в начале. Вот здесь она оставила щётку — а я уже знаю, что заберёт. Вот здесь сказала «люблю» — а я знаю, что потом скажет другое. Вот здесь Рассказчик впервые сказал «пока»

— и я уже знаю, что это слово нельзя было пропускать.

Прошное всегда выглядит набитым предупреждениями, когда знаешь, чем всё закончилось. Мужчина в метро в третий раз сбросил мать. Я ничего не сказал. Молодец.

11 августа 2027 года

Сны стали чаще. Или я стал лучше их помнить. Это разные вещи, но проверить невозможно. Записываю сразу. Маленький блокнот всегда лежал возле кровати. Теперь я ношу его за собой из комнаты в комнату.

12 августа 2027 года

Весь день сортировал листы. Отдельно его сны, отдельно моя жизнь, отдельно куски, которым не могу найти места. Получилось три стопки. Самая маленькая — моя жизнь. Нашёл среди неё чек из химчистки. Оказывается, забрал вещи ещё в июне. Долго не мог вспомнить, когда успел. Всё искал в дневнике подтверждение, а потом открыл шкаф. Они висели там. Смешно. Пока вполне смешно.

13 августа 2027 года

Сегодня записывал один. Не хочу уточнять эту фразу. Двадцать одна страница. Потом сходил в магазин. Хлеб, молоко, средство для мытья посуды. На кассе спросили, нужен ли пакет. Я не ответил. Она спросила ещё раз.

— Да.

Пакет оказался маленький. Пришлось взять второй. Нашёл в холодильнике банку горчицы, которую покупала она. Просрочена. Выбросил. Через десять минут вынес мусор. На

этом всё. Вечером позвонил друг. Спросил, как я. Сказал:
— Нормально.

Он сказал:

— Хорошо.

И мы двадцать минут обсуждали, почему у него машина снова издаёт звук, которого не было вчера. Ни одного полезного вывода. Хороший разговор.

15 августа 2027 года

Утром в блокноте было больше текста, чем обычно. Сюда не переносу. Хочу оставить дневнику хотя бы эти несколько страниц.

16 августа 2027 года

Я придумал для листов картотеку. Имя. Место. Что было до. Что было после. Где проснулся. Где не уверен. Оставил последнюю графу самой широкой. Сначала хотел просто навести порядок. Через час обнаружил, что заполняю карточку на мать. Свою, с её настоящим адресом. Сидел и смотрел на графу «что было после». Не смог написать. Позвонил ей. Она говорила про соседку, я слушал, как звенит посуда. Долго. Ничего не фиксировал. Когда разговор закончился, дописал на карточке: «Сейчас жива». Она вообще не знает, что ей пришлось сегодня пройти регистрацию.

17 августа 2027 года

В баре девушка улыбнулась. Я улыбнулся в ответ. На этом всё. Раньше обязательно придумал бы продолжение. Сейчас понравилось именно то, что его нет.

19 августа 2027 года

Сегодня перечитал начало этого дневника. Какой неприятный человек. Шутит каждые три строки, будто если первым посмеяться над собственной жизнью, она не сможет сделать это за тебя. Я ему даже немного завидую.

Друг приехал без звонка. Постоял в прихожей, посмотрел на меня. Потом на стол. На тетради. Попытался пошутить:

— Ты хоть окна иногда открываешь?

Получилось плохо. Я открыл окно. Он почему-то сказал:

— Спасибо.

Сидели почти час. Он рассказывал про работу. Я слушал. Кажется, слушал.

23 августа 2027 года

Вышел за хлебом и прошёл мимо магазина. Потом ещё квартал. Потом ещё. Очнулся у реки. Слово «очнулся» мне не нравится. Я всё время шёл. Переходил дороги. Ждал зелёный. Пропускал людей. Просто не помню, когда решил не покупать хлеб. Вернулся другой дорогой. Хлеб всё-таки купил. Важно заканчивать начатое.

В автобусе женщина ругалась с дочерью по телефону. Ничего особенного. Когда выходила, зачем-то сказал:

— перезвоните ей потом.

Она посмотрела как на идиота. Правильно. Сам не понял, зачем сказал.

28 августа 2027 года

Август заканчивается. Раньше я обязательно написал бы

что-нибудь про приближение осени. Не хочется.

30 августа 2027 года

Друг спросил:

— Всё ещё противно?

Подумал.

— Уже нет.

— Хорошо.

— Теперь просто жалко.

— Её?

— Нас.

Он кивнул. Не уверен, что понял. Я тоже.

1 сентября 2027 года

Осень. Я почти забыл, что когда-то любил её описывать. Раньше смена сезона казалась событием. Сейчас события происходят в другом календаре: ночь, запись, день, ожидание, ночь. На улице люди достают куртки. Я достал второй блокнот.

2 сентября 2027 года

Коллега пожаловался, что отец опять звонит по пустякам. Я сказал:

— Возьми трубку.

Он спросил:

— Что?

— Ничего. Забей.

Весь день думал, почему первое прозвучало не как совет. Скорее как воспоминание.

3 сентября 2027 года

Опять паршивая погода. Из трёх желаний выбрал бы оптимизм, вторую печень и нервную систему из капроновых канатов. Скверно, когда ты человек жизнерадостный, а тебя ничего не радует.

Восемь утра. Перечитал вчерашнюю запись про коллегу и его отца. Хочу вычеркнуть слово «воспоминание». Какое воспоминание? Я слышал разговор. Сказал человеку взять трубку. Откуда там вообще взялось это слово? Оставил. Пусть будет видно, что именно я потом начну себе объяснять.

6 сентября 2027 года

Нашёл себя сегодня в сквере. Формулировка точная. Не «пришёл». Не помню, как решил туда идти. Сидел на его месте. В руках маленький блокнот. Тот самый, который купил зимой. Только обложка стала совсем мягкой. Друг позвонил. Я смотрел на телефон, пока он не перестал звонить. Через минуту пришло сообщение:

«Я всё равно ещё позвоню».

Позвонил через час. Взял.

— Ты достал, — сказал я.

— Отлично. Значит, живой.

Ненавижу его методы диагностики.

8 сентября 2027 года

Во сне был шкаф. Я открывал его и видел не одежду, а внутреннюю сторону другого шкафа. Толкал стенку, попадал

в комнату, там стоял следующий. Никакой погони. Никто не пытался убить. Просто очень долго не мог найти комнату, в которой оставил себя.

Проснулся и записал это в маленькую тетрадь. В дневник перенёс вечером, уже с пояснениями. Пока переносил, прибавилась ручка на дверце. Латунная, тёплая. Утром её не было. Я вижу, как это делается. Всё равно не могу убрать ручку: теперь помню её лучше самого шкафа.

12 сентября 2027 года

Коллега жаловался на девушку. Сказал, что подозревает её во вранье. Я почти произнёс: «Проверь телефон». Не произнёс. Сказал:

— Спроси.

Он ответил:

— А если соврёт?

Хотел сказать, что тогда хотя бы будешь знать, кому именно не веришь. Промолчал.

19 сентября 2027 года

В магазине не сразу заметил, что продавщица обращается ко мне. Она спросила: «Вы зачем пришли?» Оказывается, я стоял у закрытой кассы и мешал выставить товар. Я ответил слишком подробно. За хлебом, после работы, здесь обычно открыто. Она уже отошла, а я ещё объяснял. На улице вспомнил комнату из его сна. Там спрашивали почти так же. Или точно так же — проверить можно было только дома. Вернулся в магазин. Хотел спросить, что именно она сказала. Уви-

дел её, развернулся и взял хлеб. Хотя хлеб уже был у меня в пакете. Не делайте так. Не возвращайтесь проверять каждую мысль. Она успевает подготовить вам встречу, пока идёте обратно.

27 сентября 2027 года

Сегодня поймал себя на чужой интонации. Не на слове. Хуже. Коллега рассказывал, что поссорился с женой и ночует у друга. Я слушал и вдруг спросил:

— Чего ты хочешь?

Обычный вопрос. Он ответил:

— Чтобы она перестала делать из меня идиота.

Я сказал:

— Это не ответ.

И замер. Так говорил Рассказчик. Не буквально. Он вообще редко задавал прямые вопросы. Но пауза после ответа, спокойствие, эта неприятная привычка не принимать первую формулировку за настоящую — его. Коллега сказал:

— А какой ответ?

Я хотел сказать: не знаю. Вместо этого сказал:

— Твой.

Вот тут стало совсем нехорошо. Потому что это тоже прозвучало как он.

Вечером открыл Большой блокнот. Не читать. Просто положил ладонь на обложку.

Дерматин на углу давно стёрся, под ним серый картон. Корешок мягче, чем был несколько месяцев назад. На нижнем

обрезе тёмное пятно от кофе — моего, не его. На нескольких страницах мои карандашные пометки. Я знаю, где тетрадь раскрывается сама, где лист надорван, где Рассказчик однажды слишком сильно нажал ручкой и продавил ещё три страницы.

Чужая вещь. Я знаю её телом. Собственный паспорт знаю хуже. Закрыл. Пошёл мыть руки. Ничего на них не было.

29 сентября 2027 года

Позвонил друг.

— Давно тебя не видел.

— Я здесь.

— Где «здесь»?

Я хотел ответить. Не получилось сразу.

— Дома.

— Уже лучше.

Он сказал, что заедет на неделе. Не знаю, заедет ли. Но после звонка помыл чашки. Не вижу связи. Она есть.

Во дворе встретил мужика, который обычно пьёт у подъезда. Он сидел на бордюре и кормил голубей. Спросил:

— Как жизнь?

Я сказал:

— Нормально.

Он кивнул:

— Главное.

Кажется, мы оба достигли очень высокой степени философского развития.

2 октября 2027 года

Предупреждение. Когда записываете чужую речь, не исправляйте местоимения, даже если кажется, что всё очевидно. Особенно если кажется. У меня было «он вернулся домой». Потом «я вернулся домой». Не помню, исправил ли я строку или просто посмотрел не туда. В оригинале «он». На фотографии тоже «он». В моей памяти уже оба. Это ещё можно проверить. Проверяйте, пока можно.

3 октября 2027 года

Начал предупреждать людей. Не о чём-то конкретном. Смотришь на человека и вдруг хочется сказать: позвони матери. Не откладывай поездку. Скажи правду. Уйди оттуда. Останься дома. Возьми трубку. Чаще молчу. Иногда не успеваю. Человечество и без меня переполнено людьми, которые знают, как другим жить.

На кассе терминал попросил пин-код. Четыре цифры. Я их знаю много лет. Смотрел на пустые клетки и не мог вспомнить. Потом пальцы ввели сами. Оплата прошла. Хорошо, когда тело помнит за тебя. Плохо, что меня это успокоило.

4 октября 2027 года

Предупреждение всем, кто ждёт, что им дадут знак: вы очень изобретательны. Я бы на вашем месте вас опасался. Сегодня трижды встретил слово «чистка». На двери, на коробке, в сообщении. Раньше столько же раз встретил бы слово «скидка» и ничего не произошло бы. Сейчас даже это

объяснение кажется частью чьей-то осторожности. Как будто мне оставили достаточно разумных доводов, чтобы я не поднял шум раньше времени. Записываю и вижу, как мысль сама закрывает за собой выход.

5 октября 2027 года

Сегодня написал сорок страниц. И только вечером заметил, что ни разу не назвал того, кто говорил. Раньше в каждой записи было «он сказал». Потом «Рассказчик сказал». Теперь просто текст. Исправлять не стал.

7 октября 2027 года

Предупредил женщину в лифте, чтобы она сегодня не ругалась с дочерью. Она спросила, знакомы ли мы. Я сказал, что нет. Лифт ехал очень долго. На своём этаже она вышла, обернулась и сказала:

— Вы больной.

Возможно. Но я впервые не почувствовал желания защититься шуткой.

Вечером Костя сказал:

— Ты иногда говоришь как тот твой мужик со скамейки.

Я спросил:

— Откуда ты знаешь, как он говорит?

Он пожал плечами.

— Ты рассказывал.

Не помню, чтобы рассказывал. Но мог.

9 октября 2027 года

Нашёл её зарядку. Всё это время лежала за диваном. Те-

лефон у меня уже другой, разъём не подходит. Выбросил.
Без второго акта.

12 октября 2027 года

Сегодня сказал коллеге:

— Позвони отцу.

— Зачем?

— Не знаю.

Он посмеялся. Через час всё-таки позвонил. Ничего не произошло. Слава богу. Наверное, мне впервые в жизни приятно оказаться идиотом.

13 октября 2027 года

В магазине пахло кислой вишней. Как в той комнате. Повернул голову — пекарня, на подносе разошёлся по шву пирожок, начинка пристала к бумаге. Обычная пекарня, открытая ещё прошлой осенью. Я ходил мимо десятки раз. Мне стало досадно. Опять досадно, что нашлось объяснение. Вот чего я не понимаю в себе: я испуган и всё равно хочу, чтобы это было правдой. Купил булку. Тёплая. Доел на скамейке.

16 октября 2027 года

На работе девушка собиралась отменить поездку к матери из-за отчёта. Сказал:

— Езжай.

— А отчёт?

— Я закончу.

Она удивилась. Я тоже. Вечером закончил. Отчёт оказал-

са ужасный. Но она уехала.

17 октября 2027 года

День не наступившего будущего.

Три часа. Только зашёл домой. В верхней одежде прошёл в гостиную, налил виски, сел в кресло. В наушниках ну-ар-джаз, будто из ночного отеля старого американского сериала. Раньше называл это свободой. Сейчас не могу заставить себя снять куртку. На руках раздражение. Видимо, я раздражаю даже собственную кожу. Ещё стакан. Взглянул на часы — 3:32. Музыка давно кончилась.

30 октября 2027 года

Вчера ночью проснулся от собственного голоса. Я говорил. Не разобрал что. Смешно. Круг замыкается настолько пошло, что хочется потребовать у автора переписать.

31 октября 2027 года

Хэллоуин. На улице люди изображают мёртвых. Очень живые. Смеются, фотографируются, мёрзнут. Купил кофе и десять минут смотрел из окна. Хороший вечер.

1 ноября 2027 года

Неделя почти нормальная. Работаю. Сплю. Даже высыпался два раза. Сходил с другом в бар. Он сказал, что я выгляжу лучше. Я ответил:

— Ты тоже постарел.

Всё вернулось на свои места. Хотелось бы.

8 ноября 2027 года

Я больше не переписываю его блокнот. Дошёл до послед-

ней записи. Она обрывается посередине страницы; дальше чисто. Я перелистнул до конца, проверил обложку изнутри. Запись не продолжалась. Оставил тетрадь раскрытой и пошёл на кухню.

9 ноября 2027 года

В оригинале после этой фразы пусто. В моей копии текст продолжается. Я видел это раньше и не хотел записывать. Теперь записал. После последней его фразы идут мои. Переход есть, его можно найти. Я отметил его тонкой полоской бумаги. Полоска выпадает. Можно вклеить, но мне почему-то страшно сделать это окончательно. Если кто-нибудь будет читать, пусть знает: дальше я не могу подтвердить, что услышал это от него.

17 ноября 2027 года

Теперь пишу сам. Эту фразу я уже писал. Разница в том, что раньше имел в виду дневник. Перечитал вчерашний абзац. Хорошо написано. Даже очень. Не помню, чтобы я так думал. Раньше начал бы выяснять, откуда это. Сегодня не стал. Какая разница. Вот эта фраза мне не нравится больше самого абзаца.

18 ноября 2027 года

Сегодня понял, что помню последнюю строчку в тетради. Не страницу. Строчку. Не проверял. До вечера. Вечером проверил. Совпала. Закрыл. Картошка на новой сковородке снова пригорела. Это почему-то помогло.

19 ноября 2027 года

Поймал себя на странной вещи. Когда заканчивается ручка, я уже не раздражаюсь. Достāju следующую. Когда заканчивается тетрадь — следующую. Когда заканчивается ночь — жду следующую.

21 ноября 2027 года

Я перечитал фразу «теперь пишу сам» и долго смеялся. Тихо. Сегодня почти весь день был занят работой. Не «делал вид». Работал. Поругался из-за цифр в таблице. Потом выяснилось, что прав был не я. Неприятно. Вечером купил продукты, пришёл домой, обнаружил, что забыл хлеб. Не пошёл обратно. Можно жить без хлеба.

26 ноября 2027 года

Сегодня обнаружил, что не открывал его тетрадь восемь дней. Обрадовался. Потом понял, что знаю, на какой странице вчера собирался проверить одно место. Проверил. Правильно. Зря проверил.

2 декабря 2027 года

Увидел её издалека. Не подошёл. Она меня, кажется, не заметила. Постоял. Никакой ненависти. Никакой любви. Немного удивления, что человек, который когда-то занимал половину квартиры, теперь помещается в дальнем конце улицы.

3 декабря 2027 года

Поскользнулся. Отпустил пакет. Лежу, смотрю в холодное небо, пар изо рта. Куда шёл — уже неважно. Я готов есть оливье сейчас, лишь бы этот год побыстрее закончился. Хорошо

бы собраться с кем-нибудь в тёплом доме и перекинуться в карты. Пакет разорвался. Собрал покупки в карманы.

Рядом нашёл другую старую запись — вопрос о том, не была ли Вселенная создана три секунды назад, вместе со всеми нашими воспоминаниями. Тогда мне нравилось, что со мной трудно спорить. Сейчас мне хочется знать, где именно можно посмотреть дату создания.

Свойства файла не помогают. Там дата последнего сохранения. Когда я сохранил, а не когда это случилось.

6 декабря 2027 года

Друг принёс мандарины. Сказал, что от меня пахнет зимой. Оказалось, я пролил на свитер средство для мытья окон. Романтика держится на недостатке информации.

18 декабря 2027 года

Если вам кажется, что вы ещё успеете — возможно, успеете. Я не пророк. Это надо записать отдельно. Я не знаю будущего. Я не вижу знаков. Я не получаю сообщений. Иногда я просто смотрю на человека и чувствую такую ясность, что хочется вмешаться. Это может быть болезнью. Это может быть внимательностью. Это может быть совпадением. Мне всё равно, как называется причина, если однажды кто-нибудь из-за неё вовремя позвонит.

Мать позвонила и спросила:

— Ты ел?

Ответил:

— Да.

Она спросила:

— Что?

Подготовился. Назвал суп.

— Какой?

Вот тут система опять дала сбой.

31 декабря 2027 года

Ещё один год. Фейерверки. Люди снова пытаются шумом напугать время. Я не подвожу итогов. Итог — это когда что-то закончилось.

2 января 2028 года

Новый год. Пишу цифру целиком на отдельном листе, чтобы не перенести старую по привычке. Во сне переносил мебель с одной площадки на другую. Не мог остановиться: стоило уйти за следующей вещью, предыдущая оказывалась этажом выше. Мать сидела на нашем кухонном стуле. Просила её не трогать, она только устроилась чистить овощи. Я понимал, что оставляю её здесь, если не унесу вместе со стулом. Проснулся с болью в плечах. Это может быть от неудобной позы. Мебель тут совершенно ни при чём. Я знаю.

Блокнот всё ещё на столе. В своей копии нашёл пропущенную страницу. Там он наконец остановился между этажами. Мне кажется, пока я не перепишу это место, придётся снова таскать стул. Это тоже всего лишь мысль. Но она занимает больше места, чем стол.

4 января 2028 года

Janis Joplin «Kozmic blues».

Все мои родные и близкие женились, завели детей, выстроили карьеры. А я хожу, дышу воздухом, выпиваю. Хочу научиться играть на гитаре, иметь нормальную работу, стать хорошим семьянином. Прихожу домой — лень раздеться. Есть такое явление — резонанс. Если человек колеблется — я отхожу. Пусть он придёт в состояние покоя. Иначе придётся колебаться вместе с ним. Войдёте в резонанс и вообще заколебётесь. Оба. Сейчас сижу на лавочке в сырую полночь. Не плачу. Снежинка в глаз попала.

Снежинка попала в глаз когда-то раньше. Сегодня я сидел дома. Фразу про резонанс оставляю: я сам написал её задолго до встречи. Знал, что можно начать колебаться вместе с другим, и считал это достаточной защитой.

6 января 2028 года

Под утро дописал страницу. Лёг, проснулся поздно. По лестнице больше ничего не таскал. Сварил кофе. Сел у окна. Снег, тишина. Было хорошо. Вот теперь самое опасное: сделать из двух событий правило. Я умею. Могу объяснить себе что угодно, если от этого станет чуть спокойнее. Завтра ничего переписывать не буду.

7 января 2028 года

Переписывал.

9 января 2028 года

Сегодня утром долго не мог понять, проснулся ли. Решил не проверять. Если надо вставать — значит, бодрствование. Удивительно практичная философия.

19 января 2028 года

Костя забрал зелёный блокнот. Я сам попросил. Сказал, вернёшь, когда смогу нормально спать. Он спросил, уверен ли я. Отдал прежде, чем ответить. Вечером было пусто. Я ходил по квартире и не знал, куда поставить руки. Потом вспомнил, что фотографии остались в телефоне. Не открыл.

21 января 2028 года

На работе потерял пропуск. Охранник знает меня несколько лет. Всё равно попросил документ. Правильно. Память человека — не система доступа. Показал паспорт. Он сравнил фотографию со мной.

— Проходите.

Сегодня меня опять официально признали собой. Начинает входить в привычку.

27 января 2028 года

Костя вернул блокнот. Я звонил ему несколько раз, говорил, что только проверю одну страницу. Он привёз, но остался. Сидел на кухне, пил чай. Попросил при нём открыть нужное место и сказать, что хотел проверить. Я листал и не мог вспомнить. Он не ругался. Потом положил на стол ладонь и сказал: «Посмотри на меня». Я посмотрел. Я плакал так, что не мог выговорить ни одного внятного слова. Блокнот всё равно остался.

31 января 2028 года

Во сне перечитывал страницу вслух. Запинался на одном слове. Начинал сначала, доходил до него и опять не мог про-

изнести. Из соседней комнаты поправляли. Голос мой. Тот, который слышишь на записи и сначала не узнаёшь. Он говорил свободно, без всякого усилия. Я слушал и знал, что сейчас повторю, но как только открывал рот — забывал. Утром под ногтем обнаружил чернила. Вчера менял стержень. На полях несколько раз написано одно слово, всё перечёркнуто. Стержень расписывал, помню. Просто теперь и это выглядит как попытка что-то вспомнить.

2 февраля 2028 года

Нашёл письмо, которое писал ей ещё до санатория. В начале — опять солнце, тени и обещание, что всё плохое исчезнет. Дальше:

«И я не знаю, что у тебя на уме, я не знаю всех твоих потаённых желаний. Но ты знаешь таких, как я. А я безупречно верю тебе».

Дочитал до «ты знаешь таких, как я» и понял, что уже не знаю, к кому обращаюсь. В начале письма написано имя Оли. Значит, к Оле. Этого должно быть достаточно.

3 февраля 2028 года

Забыл, что хотел записать. Посидел. Не вспомнил. Закрыв дневник. Раньше бы испугался. Не решай ничего утром.

10 февраля 2028 года

Друг написал: «Надо бы встретиться». Я ответил: «Давай сегодня». Он прислал: «Ты кто и что сделал с ним?» Встретились. Ничего особенного. Ели. Смеялись. Он рассказывал о работе. Я почти не говорил о себе. На прощание сказал:

— Не пропадай.

Я ответил:

— Постараюсь.

Впервые услышал эту фразу буквально.

12 февраля 2028 года

Встретились с другом. Он долго говорил о какой-то женщине. Я слушал и в нужных местах задавал вопросы. Потом он замолчал.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

Он посмотрел на меня и сказал:

— Я иногда не понимаю, ты сейчас здесь или просто очень хорошо делаешь вид.

Хотел ответить шуткой. Он поднял руку:

— Не надо.

Не ответил.

Ночью во сне я успел вернуть блокнот. Он взял его, раскрыл, увидел мои вставки и сказал: «Теперь это трудно разделить». Утром зелёный лежал на столе. Я проверил середину: в нём нет моих вставок. Они в синем. По цвету пока всё сходится. Зачем-то спросил вслух, кому теперь отдавать синий. Никто не ответил.

16 февраля 2028 года

Мать разговаривала со мной о том, что весной надо приехать. Я согласился. Она назвала моё имя, попросила не

обещать просто так. После разговора попробовал произнести имя и почувствовал странное сопротивление. Не забыл. Знаю буквы, знаю, что это я. Просто оно звучит как обращение к человеку, которому я должен передать трубку. Ничего не вычёркиваю. Имя есть в документах. Документы лежат в верхнем ящике. Верхний ящик справа от стола.

18 февраля 2028 года

Иногда я мысленно отвечаю на сообщения, но забываю ответить на них на самом деле. Извините. Костя, это не отговорка. Иногда отвечаю тебе целиком, хорошим голосом, даже слышу, как ты усмехнулся. Потом открываю переписку, а там один твой вопрос и время, которое я ничем не заполнил.

22 февраля 2028 года

Друг прислал: «Поехали куда-нибудь на выходные». Спросил куда.

«Да хоть куда».

Раньше такой план мне нравился. Написал, что не могу. Он ответил:

«Я не спрашивал, можешь ли».

Через десять минут Костя купил два билета. Один прислал мне. Не поехал. Билет сохранил.

23 февраля 2028 года

Я начинаю забывать его лицо. Вот чего не ожидал. Помню руки. Блокнот. Пальцы на краю страницы. Голос. А лицо распадается. Память оставляет то, что считает нужным. Никто её не выбирал на должность.

24 февраля 2028 года

Не оставляйте в чужих историях пустых мест, если собираетесь в них поселиться. Я не знаю, почему пишу это как совет. Совет предполагает, что я выбрался и теперь могу указать дорогу. У меня здесь только стол. Я передвигаю листы с одного края на другой, и каждый раз кажется, что продвинулся.

25 февраля 2028 года

Нашёл на столе страницу без даты. Почерк мой. Не помню, когда написал. Содержание сюда переносить не буду. Внизу одна фраза:

«не переписывать второй раз».

Не переписал. Страницу положил отдельно.

28 февраля 2028 года

В телефоне нашлась фотография Рассказчика. Случайная. На заднем плане. Почти размазан. Я увеличивал, пока лицо не распалось на квадраты. Не помогло. Наверное, присутствие вообще плохо архивируется. Картотека разрослась. В неё легко входят годы чужого сна и не входит вчерашний день. Во вчерашнем дне нет события, которое можно назвать. Я просыпался, ставил воду, что-то ел. Кто-то звонил. Я не хочу, чтобы это исчезало только потому, что плохо пересказывается. Вода закипела. Чайник щёлкнул. Я выключил свет в ванной. Под ногтем на большом пальце правой руки чернила. За окном убирают снег. Это тоже жизнь. Моя. Пока записываю — не трогайте её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.